

HEARTBREAK HOUSE

Перевод С. Боброва и М. Богословской

Полн. собр. пьес в 6-и т. Т.4 - Л.: Искусство, 1980.

OCR Гуцев В.Н.

Фантазия в русском стиле на английские темы

1913-1919

ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ, ЭТОТ ДОМ?

"Дом, где разбиваются сердца" - это не просто название пьесы, к которой эта статья служит предисловием. Это культурная, праздная Европа перед войной. Когда я начинал писать эту пьесу, не прозвучало еще ни единого выстрела и только профессиональные дипломаты да весьма немногие любители, помешанные на внешней политике, знали, что пушки уже заряжены. У русского драматурга Чехова есть четыре прелестных этюда для театра о Доме, где разбиваются сердца, три из которых - "Вишневый сад", "Дядя Ваня" и "Чайка" - ставились в Англии. Толстой в своих "Плодах просвещения" изобразил его нам, как только умел он - жестоко и презрительно. Толстой не расточал на него своего сочувствия: для Толстого это был Дом, где Европа душила свою совесть. И он знал, что из-за нашей 'крайней' расслабленности и суетности в этой перегретой комнатной атмосфере миром правят бездушная невежественная хитрость и энергия со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями. Толстой не был пессимистом: он вовсе не хотел оставлять Дом на месте, если мог обрушить его прямо на головы красивых и милых сластолюбцев, обитавших в нем. И он бодро размахивал киркой. Он смотрел на них как на людей, отравившихся опиумом, когда надо хватать пациентов за шиворот и грубо трясти их, пока они не очухаются. Чехов был более фаталист и не верил, что эти очаровательные люди могут выкарабкаться. Он считал, что их продадут с молотка и выставят вон; поэтому он не стеснялся подчеркивать их привлекательность и даже льстил им.

ОБИТАТЕЛИ ДОМА

В Англии, где театры являются просто обыкновенным коммерческим предприятием, пьесы Чехова, менее доходные, чем качели и карусели, выдержали всего несколько спектаклей в "Театральном обществе". Мы таращили глаза и говорили: "Как это по-русски!" А мне они не показались только русскими: точно так же, как действие чрезвычайно норвежских пьес Ибсена могло быть с легкостью перенесено в любой буржуазный или интеллигентский загородный дом в Европе, так и события этих чрезвычайно русских пьес могли произойти во всяком европейском поместье, где музыкальные, художественные, литературные и театральные радости вытеснили охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, обеды и вино. Такие же милые люди, та же крайняя пустота. Эти милые люди умели читать, иные умели писать; и они были единственными носителями культуры, которые по своему общественному положению имели возможность вступать в контакт с политическими деятелями, с чиновниками и владельцами газет и с теми, у кого была хоть какая-то возможность влиять на них или участвовать в их деятельности. Но они сторонились таких контактов. Они ненавидели политику. Они не желали реализовать Утопию для простого народа: они желали в своей собственной жизни реализовать любимые романы и стихи и, когда могли, не стесняясь жили на доходы, которых вовсе не заработали. Женщины в девичестве старались походить на звезд варьете, а позже успокаивались на типе красоты, изобретенном художниками предыдущего поколения. Обитатели Дома заняли единственное место в обществе, где можно было обладать досугом для наслаждения высшей культурой, и превратили его в экономическую, политическую и - насколько это было возможно - моральную пустоту. И поскольку природа, не принимающая пустоты, немедленно заполнила его сексом и всеми другими видами изысканных удовольствий, это место стало в лучшем случае привлекательнейшим местом в часы отдыха. В другие моменты от делалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно было настоящей Капудей.

ВИШНЕВЫЙ САД

Люди из Дома, где разбиваются сердца, не могли, да и не хотели заниматься ничем подобным. Набив свои головы предчувствиями м-ра Г. Дж. Уэллса - в то время как в головах наших тогдашних правителей не держались даже предчувствия Эразма или сэра Томаса Мора, - они отказывались от тягостной работы политиков, а если бы вдруг и согласились на нее, вероятно, делали бы ее очень плохо. Им и не позволяли вмешиваться, потому что в те дни "всеобщего голосования", только оказавшись по случайности наследственным пэром, мог кто-либо, обремененный солидным культурным снаряжением, попасть в парламент. Но если бы им и было позволено вмешиваться, привычка жить в пустоте сделала бы их беспомощными и неумелыми в общественной деятельности. И в частной-то жизни они нередко проматывали наследство, как герои "Вишневого сада". Даже теми, кто жил по средствам, в действительности руководили их поверенные по делам или агенты, ибо господа не умели управлять имением или вести предприятие, если их все время не подталкивали другие, кому пришлось самим решать задачу: либо выучиться делу, либо умереть с голоду.

От так называемой демократии при таких обстоятельствах нельзя было ожидать какой-либо помощи. Говорят, каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Вернее было бы сказать, что каждое правительство имеет тех избирателей, которых заслуживает, потому что ораторы с министерской скамьи по своей воле могут просветить или развратить наивных избирателей. Таким образом, наша демократия вращается в порочном круге очередной порядочности и непорядочности.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит сентябрьским вечером в английском провинциальном доме, по форме своей напоминающем корабль, ибо его хозяин, седовласый старик капитан Шатовер, всю жизнь проплавал по морям. В доме кроме капитана живут его дочь Гесиона, очень красивая сорокапятилетняя женщина, и её муж Гектор Хэшебай.

Туда же приезжают приглашенные Гесионой Элли, молоденькая привлекательная девушка, её отец Мадзини Дэн и Менген, пожилой промышленник, за которого Элли собирается выйти замуж.

Ясный сентябрьский вечер. Живописный гористый пейзаж северного Сусекса открывается из окон дома, построенного наподобие старинного корабля с высокой кормой, вокруг которой идет галерея. Окна в виде иллюминаторов, обшитые досками, идут вдоль всей стены настолько часто, насколько это позволяет ее устойчивость. Ряд шкафчиков под окнами образует ничем не обшитый выступ, прерывающийся примерно не середине, между ахтерштевнем и бортами, двухстворчатой стеклянной дверью. Вторая дверь несколько нарушает иллюзию, она приходится как бы по левому борту корабля, но ведет не в открытое море, как ей подобало бы, а в переднюю. Между этой дверью и галереей стоят книжные полки. У двери, ведущей в переднюю, и у стеклянной двери, которая выходит на галерею, - электрические выключатели. У стены, изображающей правый борт, - столярный верстак, в тисках его закреплена доска. Пол усеян стружками, ими же доверху наполнена корзина для бумаги. На верстаке лежат два рубанка и коловорот. В этой же стене, между верстаком и окнами, узкий проход с низенькой дверцей, за которой видна кладовая с полками; на полках бутылки и кухонная посуда.

На правом борту, ближе к середине, дубовый чертежный стол с доской, на которой лежат рейсшина, линейки, угольники, вычислительные приборы; тут же блюдечки с акварелью, стакан с водой, мутной от красок, тушь, карандаши и кисти. Доска положена так, что окно приходится с левой стороны от стула чертежника. На полу, справа от стола, корабельное кожаное пожарное ведро. На

левом борту, рядом с книжными полками, спинкой к окнам, стоит диван; это довольно массивное сооружение из красного дерева престранно покрыто вместе с изголовьем брезентом, на спинке дивана висят два одеяла.

Между диваном и чертежным столом, спинкой к свету, большое плетеное кресло с широкими подлокотниками и низкой покатою спинкой; у левой стены, между дверью и книжной полкой, - небольшой, но добротный столик тикового дерева, круглый, с откидной крышкой. Это единственный предмет убранства в комнате, который - впрочем, отнюдь не убедительно - позволяет допустить, что здесь участвовала и женская рука. Голый, из узких досок, ничем не покрытый пол проконопачен и начищен пемзой, как палуба.

Сад, куда ведет стеклянная дверь, спускается на южную сторону, а за ним уже виднеются склоны холмов. В глубине сада возвышается купол обсерватории. Между обсерваторией и домом - маленькая эспланада, на ней флагшток; на восточной стороне эспланады висит гамак, на западной стоит длинная садовая скамья.

Молодая девушка, в шляпе, перчатках и плаще, сидит на подоконнике, повернувшись всем телом, чтобы видеть расстилающийся за окном пейзаж. Она сидит, опершись подбородком на руку, свесив небрежно другую руку, в которой она держит томик Шекспира, заложив палец на той странице, где она читала.

Часы бьют шесть. Молодая девушка поворачивается и смотрит на свои часы. Она встает с видом человека, который давно ждет и уже выведен из терпения. Это хорошенькая девушка, стройная, белокурая, с вдумчивым лицом, она одета очень мило, но скромно, - по всей видимости, это не праздная модница.

Со вздохом усталой покорности она подходит к стулу у чертежного стола, садится, начинает читать Шекспира. Постепенно книга опускается на колени, глаза девушки закрываются, и она засыпает.

Пожилая служанка входит из передней с тремя неоткупоренными бутылками рома на подносе. Она проходит через комнату в кладовую, не замечая молодой девушки, и ставит на полку бутылки с ромом, а с полки снимает и ставит на поднос пустые бутылки. Когда она идет обратно, книга падает с колен гостьи, девушка просыпается, а служанка от неожиданности так вздрагивает, что чуть не роняет поднос.

Служанка. Господи помилуй!

Молодая девушка поднимает книгу и кладет на стол.

Простите, что я разбудила вас, мисс. Только я что-то вас не знаю. Вы кого же здесь ждете?

Девушка. Я жду кого-нибудь, кто бы дал мне понять, что в этом доме знают о том, что меня сюда пригласили.

Служанка. Как, вы приглашены? И никого нет? Ах ты господи!

Девушка. Какой-то сердитый старик подошел и посмотрел в окно. И я слышала, как он крикнул: "Няня, тут у нас на корме молоденькая хорошенькая женщина, подите-ка узнайте, что ей нужно". Это вы няня?

Служанка. Да, мисс. Я няня Гинес. А это, значит, был старый капитан Шотовер, отец миссис Хэшебай. Я слышала, как он кричал, но я подумала, что он насчет чего-нибудь другого. Верно, это миссис Хэшебай вас и пригласила, деточка моя?

Девушка. По крайней мере, я так поняла. Но, пожалуйста, мне, право, лучше уйти.

Няня. Нет, что вы, бросьте и думать об этом, мисс. Если даже миссис Хэшебай и забыла, так это будет для нее приятный сюрприз.

Девушка. Признаться, для меня это был довольно неприятный сюрприз, когда я увидела, что меня здесь не ждут.

Няня. Вы к этому привыкнете, мисс. Наш дом полон всяческих сюрпризов для того, кто не знает наших порядков.

Капитан Шотовер неожиданно заглядывает из передней; это еще вполне крепкий старик с громадной белой бородой; он в бушлате, на шее висит свисток.

Капитан Шотовер. Няня, там прямо на лестнице валяются портплед и саквояж; по-видимому, брошены нарочно для того, чтобы каждый о них спотыкался. И еще теннисная ракетка. Что за дьявол все это набросал?

Девушка. Боюсь, что это мои вещи.

Капитан Шотовер (подходит к чертежному столу). Няня, кто эта заблудившаяся юная особа?

Няня. Они говорят, мисс Гэсси пригласила их, сэр.

Капитан Шотовер. И нет у нее, бедняжки, ни родных, ни друзей, которые могли бы ее предостеречь от приглашения моей дочери? Хорошенький у нас дом, нечего сказать! Приглашают юную привлекательную леди, вещи ее полдня валяются на лестнице, а она здесь, на корме, предоставлена самой себе - усталая, голодная, брошенная. Это у нас называется гостеприимством! Хорошим тоном! Ни комнаты не приготовлено, ни горячей воды. Нет хозяйки, которая бы встретила. Госте, по-видимому, придется ночевать под навесом и идти умываться на пруд.

Няня. Хорошо, хорошо, капитан. Я сейчас принесу мисс чаю, и пока она будет пить чай, комната будет готова. (Обращается к девушке.) Снимите, душенька, шляпку. Будьте как дома. (Идет к двери в переднюю.)

Приезжает также леди Эттеруод, младшая сестра Гесионы, отсутствовавшая в родном доме последние двадцать пять лет, поскольку жила с мужем во всех по очереди колониях британской короны, где он был губернатором. Капитан Шотовер сначала не узнает или же делает вид, что не узнает в леди Эттеруод своей дочери, чем её очень огорчает.

Капитан Шотовер. Вот вам чай, юная леди! Как? Еще одна дама? Надо еще чашку принести. (Направляется к кладовой.)

Леди Этеруорд (поднимается с дивана, задыхаясь от волнения). Папа, что же ты, не узнаешь меня? Я твоя дочь.

Капитан Шотовер. Глупости. Моя дочь спит наверху. (Исчезает в дверях.)

Леди Этеруорд отходит к окну, чтобы не видно было, что она плачет.

Элли (подходит к ней с чашкой в руках). Не огорчайтесь так. Вот выпейте чашку чаю. Он очень старый и ужасно странный. Вот так же он и меня встретил. Я понимаю, что это ужасно. Мой отец для меня все на свете. Я уверена, он это не нарочно.

Капитан Шотовер возвращается с чашкой.

Гесиона пригласила к себе Элли, её отца и Менгена, чтобы расстроить её брак, ибо она не хочет, чтобы девушка выходила замуж за нелюбимого человека из-за денег и благодарности, которую она испытывает к нему за то, что когда-то Менген помог её отцу избежать полнейшего разорения.

Из передней входит Мадзини Дэн. Это маленький пожилой человек, глаза навывкате, доверчивый взгляд, степенные манеры. Он в синем саржевом костюме и в расстегнутом макинтоше. В руках мягкая черная шляпа, вроде тех, что носят священники.

Элли. Наконец-то! Капитан Шотовер, вот мой отец.

Капитан Шотовер. Этот? Чепуха! Ни капельки не похож. (Выходит в сад, сердито хлопнув дверью.)

Леди Этеруорд. Я не допущу, чтобы меня умышленно не замечали и делали вид, что принимают за кого-то другого. Я пойду и сию же минуту объяснюсь с папой. (Мадзини.) Простите, пожалуйста. (Уходит за капитаном, небрежно на ходу кивая Мадзини, который на ее кивок отвечает поклоном.)

Миссис Хэшебай (радушно пожимая руку Мадзини). Как это мило с вашей стороны, что вы приехали, мистер Дэн. Вы не обижаетесь на папу, не правда ли? Он у нас совсем сумасшедший, но абсолютно безобидный. И при этом необыкновенно умный. Вы еще побеседуете с ним, и с большим удовольствием.

Мадзини. Я надеюсь. (Элли.) А вот и ты, Элли, милочка. (С нежностью берет ее под руку.) Я вам очень признателен, миссис Хэшебай, за то, что вы так добры к моей дочери. Боюсь, что у нее не получилось бы никакого праздника, если бы не ваше приглашение.

Миссис Хэшебай. Да нет, что вы. Это так мило с ее стороны, что она к нам приехала, она будет привлекать сюда молодых людей.

Мадзини (улыбаясь). Боюсь, что Элли мало интересуется молодыми людьми, миссис Хэшебай. В ее вкусе скорее положительные, серьезные люди.

Миссис Хэшебай (с внезапной резкостью). Может быть, вы снимете пальто, мистер Дэн? Там, в углу в передней - шкаф для пальто, шляп и всего прочего.

Мадзини (поспешно выпуская руку Элли). Да, благодарю вас. Мне, конечно, надо было... (Уходит.)

Миссис Хэшебай (выразительно). Старая скотина!

Элли. Кто?

Миссис Хэшебай. Кто! Да он - вот этот, он самый. (Показывает пальцем вслед Мадзини.) "Положительные, серьезные"... скажите!

Элли (пораженная). Неужели это может быть, чтобы вы сказали так о моем отце! Миссис Хэшебай. Сказала. И вы это отлично знаете.

Элли (с достоинством). Я немедленно уйду из вашего дома. (Поворачивается к двери.)

Миссис Хэшебай. Если вы только посмеете, я сейчас же доложу вашему отцу, почему вы это сделали.

Элли (оборачиваясь). Но как вы можете так обращаться с вашим гостем, миссис Хэшебай?

Миссис Хэшебай. Мне казалось, что вы зовете меня Гесиона.

Элли. Теперь - конечно нет.

Миссис Хэшебай. Отлично. Я все расскажу вашему отцу.

Элли (огорченная). Ах!

Миссис Хэшебай. Если вы только двинете пальцем, если только хоть на минуту станете на его сторону, против меня и против вашего собственного сердца... я поговорю с этим прирожденным солдатом свободы так, что он потом целую неделю будет стоять на голове, этот старый эгоист.

Элли. Гесиона! Мой отец эгоист? Как мало вы знаете...

Ее прерывает Мадзини, который возвращается, запыхавшийся и взволнованный.

Мадзини. Элли! Менген приехал. Я думал, может быть, лучше тебя предупредить. Простите меня, миссис Хэшебай, этот престранный старый джентльмен...

Миссис Хэшебай. Папа? Вполне согласна с вами.

Мадзини. Ах, простите... Ну да, разумеется. Меня несколько смутило его обращение. Он заставил Менгена что-то там делать в саду. И требует, чтобы и я тоже...

Раздается громкий свисток. Голос капитана: "Боцман, вверх!" Снова громкий свисток.

Мадзини (растерянно). О господи, мне кажется, это он меня зовет... (Поспешно выбегает.)

Миссис Хэшебай. Вот мой отец - это действительно замечательный человек!

Элли. Гесиона, выслушайте меня. Вы просто не понимаете. Мой отец и мистер Менген были еще детьми, и мистер Мен...

Миссис Хэшебай. Мне совершенно все равно, чем они были. Только давайте лучше сядем, если вы собираетесь начать так издалека. (Обнимает Элли за талию и усаживает на диван рядом с собой.) Ну, душенька, рассказывайте мне все про этого мистера Менгена. Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген, правда? Настоящий Наполеон промышленности и отвратительно богат. Верно я говорю?

В разговоре с Элли Гесиона выясняет, что девушка влюблена в некоего Марка Дарили, с которым познакомилась недавно и который рассказывал ей о своих необычайных приключениях, чем и покорила её

Очень красивый человек лет пятидесяти, с усами мушкетера, в широкополой шляпе с франтовато загнутыми полями, с изящной тросточкой, входит из передней и останавливается как вкопанный при виде двух женщин на диване.

(Увидя его, Элли поднимается с радостным изумлением.) О, Гесиона! Это мистер Марк Дарли.

Миссис Хэшебай (поднимаясь). Вот так штука! Это мой муж.

Элли. Но как же... (Внезапно умолкает, бледнеет и пошатывается.)

Миссис Хэшебай (подхватывает ее и усаживает на диван). Успокойтесь, детка.

Гектор Хэшебай (в некотором замешательстве и в то же время с каким-то наглым спокойствием кладет шляпу и трость на стол). Мое настоящее имя, мисс Дэн, Гектор Хэшебай. Я предоставляю вам судить - может ли тонко чувствующий человек спокойно признаться в том, что он носит такое имя. Когда у меня есть возможность, я стараюсь обходиться без него. Я уезжал на целый месяц. И я не подозревал, что вы знакомы с моей женой и можете появиться здесь. Тем не менее я чрезвычайно рад приветствовать вас в нашем скромном домике.

Гесиона выгоняет мужа из комнаты, чтобы привести Элли в чувство. Придя в себя, Элли ощущает, что в один миг лопнули все её девичьи иллюзии, а вместе с ними разбилось и сердце

Миссис Хэшебай. Простите, детка. Мне кажется, я слышу шаги Гектора. Вы сейчас не возражаете, если он придет?

Элли. Ничуть. Я совершенно излечилась.

Из передней входят Мадзини Дэн и Гектор.

Гектор (открывает дверь и пропускает Мадзини вперед). Еще секунда, и она бы упала мертвой.

Мадзини. Нет, подумайте, какое чудо! Элли, деточка моя! Мистер Хэшебай только что рассказал мне совершенно удивительную...

Элли. Да, я уже слышала. (Отходит в другой конец комнаты.)

Гектор (идет за ней). Нет, этого вы еще не слышали. Я вам расскажу после обеда. Мне кажется, это должно вам понравиться. По правде сказать, я сочинил это для вас и уже предвкушал удовольствие рассказать вам, но с досады, когда меня отсюда выгнали, я истратил этот заряд на вашего отца.

Элли (отступая спиной к верстаку, презрительно, но с полным самообладанием). Вы истратили не зря. Он верит вам. Я бы не поверила.

Мадзини (добродушно). Элли у меня очень своенравная, мистер Хэшебай. Конечно, на самом деле она так не думает. (Идет к книжным полкам и разглядывает корешки.)

По просьбе Гесионы Элли рассказывает ей все о Менгене, о том, как он в свое время дал её отцу крупную сумму, чтобы не допустить банкротства его предприятия. Когда предприятие все же обанкротилось, Менген помог её отцу выпутаться из столь сложной ситуации, купив все производство и дав ему место управляющего.— Входят капитан Шатовер и Менген.

Из передней входит Босс Менген, за ним капитан. Менген в сюртучной паре, точно он собрался в церковь или на заседание директората. Ему лет пятьдесят пять; у него озабоченное, недоверчивое выражение лица; во всех его движениях чувствуются тщетные потуги держать себя с неким воображаемым достоинством. Лицо серое, волосы прямые, бесцветные, черты лица до того заурядны, что о них просто нечего сказать. Капитан Шотовер (знакомя миссис Хэшебай с новым гостем). Говорит, что его зовут Менген. К службе не годен.

Миссис Хэшебай (очень любезно). Добро пожаловать, мистер Менген.

Менген (пожимая ей руку). Очень рад.

Капитан Шотовер. Дэн порастерял все свои мускулы, но зато приобрел бодрость духа. Редкий случай, после того как человек пережил три приступа белой горячки. (Уходит в кладовую.)

Миссис Хэшебай. Поздравляю вас, мистер Дэн.

Мадзини (в недоумении). Да я всю жизнь в рот не брал спиртного.

Миссис Хэшебай. Вам будет гораздо меньше хлопот, если вы предоставите папе думать то, что ему хочется, а не будете пытаться объяснить ему то, что есть на самом деле.

Мадзини. Ну, знаете, три приступа белой горячки...

Миссис Хэшебай (обращаясь к Менгену). Вы знакомы с моим мужем, мистер Менген? (Показывает на Гектора.)

Менген (идет к Гектору, который приветливо протягивает ему руку). Очень рад. (Оборачивается к Элли.) Я надеюсь, мисс Элли, вы не очень устали с дороги. (Здоровается с ней.)

Миссис Хэшебай. Гектор, покажи мистеру Дэну его комнату.

Гектор. Да, да, конечно. Идемте, мистер Дэн. (Уходит с Мадзини.)

Элли. Вы еще не показали мне моей комнаты, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Ах, господи, какая я глупая! Идемте. Пожалуйста, будьте как дома, мистер Менген. Папа составит вам компанию. (Кричит капитану.) Папа, иди покажи дом мистеру Менгену. (Уходит с Элли.)

Капитану с первого же взгляда становится понятен характер отношений Элли и Менгена. Он отговаривает последнего жениться из-за большой разницы в возрасте и добавляет, что его дочь во что бы то ни стало решила расстроить их свадьбу.

Менген (беспомощно). Престранная история! Я, собственно, должен был бы покинуть этот дом.

Капитан Шотовер. Почему?

Менген. Ну, знаете, многие люди были бы обижены вашей манерой разговаривать.

Капитан Шотовер. Глупости! Ссоры, видите ли, возникают совсем из-за другой манеры разговаривать. Со мной никто никогда не ссорился.

Из передней появляется джентльмен, прекрасный костюм и безупречные манеры которого свидетельствуют о его принадлежности к Вест-Энду. Он производит приятное впечатление холостого молодого человека, но при ближайшем рассмотрении ему по меньшей мере за сорок.

Джентльмен. Простите, пожалуйста, что я вторгаюсь таким образом. Но дело в том, что молотка на двери нет, а звонок, если не ошибаюсь, не действует.

Капитан Шотовер. А зачем вам молоток? Зачем звонок? Двери открыты.

Джентльмен. Вот именно. Поэтому-то я и осмелился войти.

Капитан Шотовер. Ну и отлично. Я сейчас поищу вам комнату. (Идет к двери.)

Джентльмен (удерживая его). Боюсь, что вы не знаете, кто я такой.

Капитан Шотовер. Неужели вы думаете, что люди моего возраста делают различие между одним человеческим созданием и другим? (Уходит.)

Менген и гость смотрят друг на друга.

Менген. Станный человек этот капитан Шотовер.

Джентльмен. Да. Очень.

Капитан Шотовер (кричит снаружи). Гесиона! Приехал еще один. Надо ему комнату. Хлыщ. Щеголь. Лет под пятьдесят. Джентльмен. Представляю себе, что должна подумать Гесиона. Разрешите узнать - вы член этой семьи?

Менген. Нет.

Джентльмен. А я - да. Некоторым образом родственник.

Входит миссис Хэшебай. Миссис Хэшебай. Добро пожаловать! Как это мило, что вы приехали.

Джентльмен. Я так рад познакомиться с вами, Гесиона (Целует ее.) В дверях появляется капитан. Вы, конечно, простите мне, капитан, что я целую вашу дочь, когда я скажу вам... Капитан Шотовер. Чушь. Все целуют мою дочь. Целуйте сколько хотите.

(Направляется к кладовой.)

Джентльмен. Благодарю вас. Одну минутку, капитан.

Капитан останавливается, оборачивается.

Джентльмен, приветливо улыбаясь, подходит к нему. Вы, быть может, помните,- а возможно, и нет, это ведь было много лет тому назад,- что ваша младшая дочь вышла замуж за чурбана.

Капитан Шотовер. Помню. Она сказала, что выйдет за кого угодно, лишь бы уйти из этого дома. Не узнал бы вас. Голова у вас теперь не похожа на грецкий орех. Вы размякли. Похоже, вас много лет кипятили в молоке с хлебным мякишем, как это делают с мужьями. Бедняга! (Исчезает в кладовой.)

Миссис Хэшебай (подходит к джентльмену и испытующе смотрит на него). Я не верю, что вы Гастингс Этеруорд.

Джентльмен. Нет, я не он.

Миссис Хэшебай. Тогда с какой же стати вы меня целуете?

Джентльмен. Да просто мне очень захотелось. Дело в том, что я Рэндел Этеруорд, недостойный младший брат Гастингса. Я был за границей на дипломатической службе, когда он женился.

Леди Этеруорд (врывается в комнату). Гесиона, где ключи от шкафа в моей комнате? У меня все брильянты в сумке. Я хочу спрятать их. (Останавливается как вкопанная при виде нового лица.) Рэндел, как вы осмелились? (Направляется к нему.)

Миссис Хэшебай отходит и усаживается на диване, рядом с Менгеном.

Рэндел. Как я осмелился - что именно? Я ничего не сделал

Леди Этеруорд. Кто вам сказал, что я здесь?

Рэндел. Гастингс. Я был у Клариджей и узнал, что вы только что уехали. И я последовал за вами сюда. Вы чудесно выглядите.

Леди Этеруорд. Не смейте так со мной разговаривать.

Миссис Хэшебай. А в чем дело с мистером Рэнделом, Эдди?

Леди Этеруорд (сдерживая себя). Ах, ни в чем. Но он не имел права приезжать сюда без приглашения и беспокоить тебя и папу. (Идет к подоконнику и садится; в раздражении отворачивается от всех и смотрит в сад, где прогуливаются Гектор и Элли.)

Миссис Хэшебай. Ты, кажется, незнакома с мистером Менгеном, Эдди?

Леди Этеруорд (оборачивается и холодно кивает Менгену). Простите. Рэндел, вы меня так расстроили, что я поставила себя в совершенно дурацкое положение.

Миссис Хэшебай. Леди Этеруорд. Моя сестра. Моя младшая сестра.

Менген (отвешивая поклон). Чрезвычайно счастлив познакомиться с вами, леди Этеруорд. Леди Этеруорд (с явным интересом). Кто этот джентльмен, который разгуливает там в саду с мисс Дэн?

Миссис Хэшебай. Не знаю. Всего только десять минут тому назад она насмерть поссорилась с моим мужем. И я не видела, кто там еще приехал. Вероятно, новый гость. (Подходит к окну и смотрит.) Ах, это Гектор. Они помирились.

Леди Этеруорд. Твой муж? Этот красавец мужчина?

Миссис Хэшебай. Гм. Скажите! А почему же мой муж не может быть красавцем?

Рэндел (присоединяется к ним). Мужья никогда не бывают красавцами, Ариадна. (Садится справа от леди Этеруорд.)

Миссис Хэшебай. А вот мужья сестер, мистер Рэндел, обычно очень недурны.

Леди Этеруорд. Не будьте пошляком, Рэндел; и ты, Гесиона, тоже не лучше.

Элли и Гектор входят из сада в двери по правому борту. Рэндел встает. Элли проходит в угол, к кладовой.

Гектор выходит вперед. Леди Этеруорд поднимается во всем своем великолепии.

Миссис Хэшебай. Гектор, это Эдди.

Гектор (явно изумленный). Не может быть! Эта леди?

Леди Этеруорд (улыбаясь). А почему же нет?

Гектор (смотрит на нее пронизывающим взглядом глубокого, но почтительного восхищения, усы его топорщатся). Я думал (спохватывается) ...прошу извинить меня, леди Этеруорд. Несказанно счастлив приветствовать вас наконец под нашей кровлей. (С проникновенной учтивостью протягивает руку.)

Миссис Хэшебай. Она жаждет, чтобы ты ее поцеловал, Гектор.

Леди Этеруорд. Гесиона! (Но продолжает улыбаться).

Миссис Хэшебай. Зови ее Эдди, поцелуй ее, как добрый зять, и кончайте с этой церемонией. (Предоставляет их друг другу.)

Гектор. Веди себя прилично, Гесиона. Леди Этеруорд вправе рассчитывать здесь не только на гостеприимство, но и на культурное обращение.

Леди Этеруорд (признательно). Благодарю вас, Гектор.

Гектор впервые знакомится с леди Эттеруод, которую прежде никогда не видел. Оба производят друг на друга огромное впечатление, и каждый пытается заманить другого в свои сети. В леди Эттеруод, как признается Гектор своей жене, есть семейное дьявольское обаяние Шатоверов.

Дружески пожимают друг другу руки. В саду под окнами от правого борта к левому проходит Мадзини Дэн.

Капитан Шотовер (выходя из кладовой и обращаясь к Элли). Ваш отец умылся. Элли (с полным самообладанием). Он это часто делает, капитан Шотовер. Капитан Шотовер. Странное перерождение! Я наблюдал за ним из окна кладовой.

Мадзини Дэн входит в дверь по правому борту, свежeweымытый и причесанный, и, благодушно улыбаясь, останавливается между Менгеном и миссис Хэшебай.

Миссис Хэшебай (знакомя). Мистер Мадзини Дэн - леди Эте... ах, я совсем забыла - вы уже знакомы. (Показывает на Элли.) Мисс Дэн. Мадзини (подходит к Элли, берет ее за руку, радуясь своей собственной дерзкой находчивости). С мисс Дэн мы тоже встречались - это моя дочь. (Ласково берет ее под руку.)

Миссис Хэшебай. Ах, ну конечно! Как глупо. Мистер Этеруорд, мм... моей сестры...

Рэндел (любезно пожимая руку Мадзини). Ее деверь, мистер Дэн. Очень приятно. Миссис Хэшебай. А это мой супруг. Гектор. Мы знакомы, дорогая. Не трудись представлять нас еще раз. (Подходит к большому креслу.) Не хотите ли присесть, леди Этеруорд?

Леди Этеруорд благосклонно усаживается.

Миссис Хэшебай. Простите. Терпеть не могу знакомить. Все равно, что спрашивать у людей - "ваш билет?". Мадзини (нравоучительно). В конце концов, как мало это о нас говорит. Вопрос ведь не в том, кто мы, а в сущности: что мы такое.

Капитан Шотовер. Гм-да. Вот вы, скажем, что вы такое?

Мадзини (недоуменно). Что я такое?

Капитан Шотовер. Вор, пират, убийца.

Мадзини. Уверяю вас, вы заблуждаетесь.

Капитан Шотовер. Жизнь авантюриста. А к чему это привело? К респектабельности. Дочка - настоящая леди. Речь, манеры столичного проповедника. Пусть это будет предостережением для всех нас. (Выходит в сад.) Мадзини. Надеюсь, здесь никто не верит, что я вор, пират и убийца? Миссис Хэшебай, простите, я на минутку удалюсь. Нет, в самом деле, надо пойти и объясниться. (Идет за капитаном.)

Миссис Хэшебай (ему вслед). Бесполезно. Вы бы лучше... (Но Мадзини уже исчез.) Нам всем, пожалуй, лучше пойти выпить чаю. У нас никогда не бывает чаю в положенные часы. Но можно пить всегда, когда только захотите. Он кипит у прислуги целый день. А спросить лучше всего на галерее около кухни. Хотите, я покажу вам? (Идет к двери направо.)

Рэндел (идет рядом с ней). Благодарю вас. Мне совсем не хочется чаю. Но если бы вы показали мне ваш сад...

Миссис Хэшебай. В нашем саду нечего показывать, разве только папину обсерваторию. И песочную яму с погребом, где он держит динамит и всякие такие вещи. Впрочем, на воздухе все-таки приятней, чем в комнате. Идемте.

Рэндел. Динамит! Ведь это довольно рискованно.

Миссис Хэшебай. Ну что вы! Мы же не лезем в эту песочную яму во время грозы. Леди Этеруорд. Это уж что-то новое. А зачем это - динамит?

Гектор. Чтобы взорвать человечество, если оно зайдет слишком далеко. Он пытается найти некий психический луч, который взорвет все взрывчатые вещества по повелению Махатмы.

Элли. У капитана восхитительный чай, мистер Этеруорд.

Миссис Хэшебай (останавливается в двери). Неужели отец угощал вас чаем? Как это вам удалось обойти его не успев пробыть в доме и десяти минут?

Элли. Видите, удалось.

Миссис Хэшебай. Вот маленький бесенок! (Выходит с Рэнделом.)

Менген. А вы не хотите прогуляться, мисс Элли?

Элли. Я устала. Я лучше возьму книжку с собой в комнату и отдохну немножко.

(Подходит к книжной полке.) Менген. Ну, прекрасно. Лучше и не придумаешь. Но я крайне огорчен. (Уходит вслед за Рэнделом и миссис Хэшебай.) Остаются Элли, Гектор и леди Этеруорд. Гектор стоит у кресла леди Этеруорд. Они смотрят на Элли, дожидаясь, чтобы она ушла.

Элли (рассматривая заглавия книг). Вы любите романы с приключениями, леди Этеруорд?

Леди Этеруорд (покровительственно). Разумеется, дорогая.

Элли. В таком случае оставляю вас мистеру Хэшебаю. (Выходит в переднюю.)

Весь вечер Гектор и леди Этеруорд играют друг с другом в кошки-мышки.

Миссис Хэшебай (входит из сада). Не обращайтесь на меня внимания, я вам мешать не буду. Я только хочу взять папину фуражку. Солнце садится, я боюсь, как бы он не простудился. (Идет к двери в переднюю.)

Леди Этеруорд. Твой супруг совершенно очарователен, дорогая. Наконец-то он снизошел и поцеловал меня. Я иду в сад; как будто стало прохладнее. (Выходит в дверь по левому борту.)

Миссис Хэшебай. Берегись, дитя мое! Я не думаю, чтобы кто-нибудь из мужчин мог поцеловать Эдди и не влюбиться в нее. (Идет в переднюю.)

Гектор (бьет себя в грудь). Дурак! Козел!

Миссис Хэшебай возвращается с фуражкой капитана.

Твоя сестра на редкость предприимчивая старуха. Где мисс Дэн?

Миссис Хэшебай. Менген сказал, что она поднялась к себе наверх, отдохнуть. Эдди тебе с ней разговаривать не позволит. Она уже тебя отметила, теперь ты ее собственность.

Гектор. У нее есть это ваше семейное дьявольское обаяние. И я машинально начал за ней ухаживать. Но что мне делать? Влюбиться я не способен, а оскорбить женское чувство, признаться ей в этом, когда она влюбляется в меня, я тоже не могу. А так как женщины вечно влюбляются в мои усы, у меня заводится масса всяких скучных, бессмысленных флиртов, которые меня несколько не занимают.

Миссис Хэшебай. То же самое и Эдди. Она за всю жизнь ни разу не была влюблена. Хотя вечно стремилась влюбиться по уши. Она еще хуже тебя. У тебя хоть один такой случай был - со мной.

Гектор. Это было настоящее безумие. Не могу себе представить, чтобы такие изумительные переживания были доступны всем. Они оставили во мне глубокий след. И вот поэтому-то я и думаю, что они неповторимы.

Миссис Хэшебай (смеясь, похлопывая его по руке). Мы были ужасно влюблены друг в друга, Гектор. Это был такой волшебный сон, что я потом потеряла способность ревновать тебя или кого бы то ни было, - я понимала, что это такое. Я всегда старалась приглашать к нам побольше хорошеньких женщин, чтобы доставить тебе еще такой случай, но у тебя что-то ни разу не вышло.

Гектор. Не знаю, хотел ли я, чтобы вышло. Это дьявольски опасно. Ты околдовала меня. Но я любил тебя. И это был рай. А эта твоя сестрица околдовывает меня, но я ненавижу ее. И получается ад. Я убью ее, если она будет продолжать.

Миссис Хэшебай. Ничто не может убить Эдди. Здорова как лошадь. (Выпуская его руку.) Ну, а теперь я пойду околдовывать кого-нибудь еще.

Гектор. Вот этого хлыща из министерства иностранных дел Рэндела?

Миссис Хэшебай. Боже упаси. Нет! Зачем я буду его околдовывать?

Гектор. Надеюсь, не этого надутого толстосума Менгена.

Миссис Хэшебай. Хм... Мне кажется, что уж лучше пусть он будет околдован мной, а не Элли. (Идет в сад.) Навстречу ей идет капитан с какими-то брусочками в руке. Что это у тебя такое, папочка?

Капитан Шотовер. Динамит.

Миссис Хэшебай. Ты лазил в песочную яму? Смотри не урони эту штуку где-нибудь в доме. Ты мой дорогой (Уходит в сад, где все пронизано красным закатным светом.)

Гектор. Выслушай меня, о мудрец. Сколь долго осмеливаешься ты сосредоточиться на каком-нибудь чувстве, не опасаясь, что оно запечатлется в твоём сознании на всю твою остальную жизнь?

Капитан Шотовер. Девяносто минут. Полтора часа (Уходит в кладовую.)

Гектор, оставшись один, сдвигает брови и погружается в мечты. Некоторое время он сидит неподвижно, затем скрещивает руки на груди, потом встает и, заложив руки за спину, с трагическим видом ходит взад и вперед. Внезапно хватается со столика свою трость и, обнажив находящуюся внутри нее рапиру, вступает в отчаянный поединок с воображаемым противником; после ряда удачных и неудачных выпадов он вонзает в него шпагу по самую рукоять, затем прячет свое оружие обратно в трость, бросает ее на диван и снова погружается в задумчивость вперив взор в глаза воображаемой женщины, он хватается за руки и говорит глухим, проникновенным голосом "Ты меня любишь". В эту минуту из кладовой показывается капитан, и Гектор, пойманный врасплох с вытянутыми руками и сжатыми кулаками, делает вид, что занимается гимнастикой, и проделывает ряд упражнений.

Капитан Шотовер. Такого рода сила не имеет смысла. Ты все равно никогда не будешь таким сильным, как, например, горилла.

Гектор. Зачем вам динамит?

Капитан Шотовер. Уничтожить вот этих, вроде Менгена.

Гектор. Бесполезно. У них всегда будет возможность купить еще больше динамита.

Капитан Шотовер. Я сделаю такой динамит, что им его не взорвать.

Гектор. А вы взорвете?

Капитан Шотовер. Да. Когда достигну седьмой степени самосозерцания.

Гектор. Не стоит стараться. Вы никогда не достигнете ее.

Капитан Шотовер. А что же делать? Так, значит, нам вечно и барахтаться в грязи из-за этих свиней, для которых вселенная - это что-то вроде кормушки, в которую они тычутся своим щетинистым рылом, чтобы набить себе брюхо?

Гектор. Разве щетина Менгена много хуже, чем завиточки Рэндела?

Капитан Шотовер. Нам должны быть подвластны жизнь и смерть того и другого. И я не умру, пока не найду к этому пути.

Гектор. Кто мы, чтобы судить их?

Капитан Шотовер. А кто они, чтобы судить нас? Однако они делают это не задумываясь. Между их семенем и семенем нашим вечная вражда. Они знают это и поэтому делают все, чтобы раздавить наши души. Они верят в самих себя. Когда мы поверим в себя, мы одолеем их.

Гектор. Семя одно. Вы забываете, что у вашего пирата очень миленькая дочка. Сын Менгена может быть Платоном. А сын Рэндела - Шелли. Что такое был мой отец?

Капитан Шотовер. Отъявленнойший негодяй. (Кладет на место чертежную доску, усаживается за стол и начинает смешивать кистью краски.)

Гектор. Именно. Так вот, осмелитесь ли вы убить его невинных внуков?

Капитан Шотовер. Они и мои внуки.

Гектор. Совершенно верно. Мы все части один другого. (Небрежно разваливается на диване.) Я вам скажу. Я нередко думал об истреблении человекоподобных гадин. Многие думали об этом. Порядочные люди - это вроде Даниила во рву львином. Как они выживают - это настоящее чудо. И не всегда, конечно, выживают. Мы живем среди Менгенов, Рэнделов, Билли Дэнов, как они, несчастные, живут среди вирулентных микробов, докторов, адвокатов, попов, ресторанных метрдотелей, торгашей, прислуги и всяких иных паразитов и шарлатанов. Что наши страхи по сравнению с тем, как они трясутся? Дайте мне власть уничтожить их, и я пощажу их из чистого...

Капитан Шотовер (резко обрывает его). Чувства товарищества?

Гектор. Нет. Я бы должен был покончить с собой, если бы я думал так. Я должен верить, что моя искорка, как бы она ни была мала, божественного происхождения, а багровый свет над их дверью - это пламя преисподней. Я бы их пощадил просто из великодушной жалости.

Капитан Шотовер. Ты не можешь пощадить их, пока ты не имеешь власти истребить их. Сейчас они обладают этой властью по отношению к тебе. Там, за океаном, миллионы чернокожих, которых они вымуштруют и обрушат на нас. Они готовятся к этому. Они делают это уже сейчас.

Гектор. Они слишком глупы, чтобы воспользоваться своей властью.

Капитан Шотовер (бросает кисть и подходит к дивану). Не обманывай себя. Они пользуются ею. Каждый день мы убиваем в себе лучшее, что в нас есть, чтобы их умиловить. Одно сознание, что эти люди всегда здесь, на чеку, чтобы сделать бесполезными все наши стремления, не дает этим стремлениям даже родиться внутри нас. А когда мы пытаемся уничтожить их, они посылают на нас демонов, чтобы обольстить нас, - демонов, принимающих облик красивых дочерей, певцов, поэтов и им подобных, ради которых мы щадим и их самих.

Гектор (садится и наклоняется к нему). А не может быть так, что Гесиона и есть демон, порожденный вами, чтобы я не убил вас?

Капитан Шотовер. Возможно. Она выжала вас целиком и не оставила вам ничего, кроме грез, - так делают некоторые женщины.

Гектор. Женщины-вампиры, демонические женщины.

Капитан Шотовер. Мужчины думают, что мир потерян для них, и действительно теряют его. А кто вершит дела в этом мире? Мужья сварливых и пьяниц; мужчины, у которых сидит заноза в теле. (Рассеянно идет к кладовой.) Я должен об этом хорошенько подумать. (Резко поворачивается.) Но все же я буду продолжать работать с динамитом. Я открою луч более мощный, чем все эти рентгеновские лучи, духовный луч, который взорвет гранату на поясе у моего врага раньше, чем он успеет бросить ее в меня. И мне надо спешить. Я стар. У меня нет времени на разговоры. (Он уже на пороге кладовой, а Гектор идет в переднюю.)

В это время возвращается Гесиона.

Миссис Хэшебай. Папочка! Ты и Гектор - вы должны помочь мне занять эту публику. И о чем это вы тут так кричите?

Гектор (взявшись за ручку двери). Он совсем спятил; он сегодня хуже, чем всегда.

Миссис Хэшебай. Все мы спятили.

Гектор. Я должен переодеться. (Нажимает ручку двери.)

Миссис Хэшебай. Постой, постой. Вернитесь вы оба. Подите сюда.

Они неохотно возвращаются.

У меня нет денег.

Гектор. Денег? А где мои апрельские дивиденды?

Миссис Хэшебай. Где снег прошлого года?

Капитан Шотовер. А где все деньги за патент на мою спасательную лодку?

Миссис Хэшебай. Пятьсот фунтов! С самой пасхи я их тянула.

Капитан Шотовер. С пасхи! И четырех месяцев не прошло! Чудовищная расточительность! Я мог бы прожить семь лет на пятьсот фунтов.

Миссис Хэшебай. Только не на такую широкую ногу, как у нас в доме.

Капитан Шотовер. За такую спасательную лодку - и всего только пятьсот фунтов! А за прошлое свое изобретение я получил двенадцать тысяч.

Миссис Хэшебай. Да, дорогой. Но ведь это было судно с каким-то магнетическим килем для охоты за подводными лодками. Разве при нашем образе жизни можно позволить себе тратить время на какие-то спасательные приспособления? Ты бы лучше придумал что-нибудь такое, что сразу, одним махом, прихлопнет пол-Европы.

Капитан Шотовер. Нет. Я старею. Быстро старею. Мозг мой не способен теперь сосредоточиться на убийстве, как прежде, когда я был мальчишкой. Почему это твой муж ничего не изобретает? Он только и умеет, что врать всякую чепуху женщинам.

Гектор. Н-да, но ведь это тоже своего рода изобретательство. А впрочем, вы правы. Я должен содержать жену.

Миссис Хэшебай. Ничего ты такого не должен. Тогда тебя с утра до поздней ночи не увидишь. Мне нужно, чтобы мой муж был со мной.

Гектор (с горечью). С тем же успехом я мог бы быть твоей комнатной собачкой.

Миссис Хэшебай. А тебе бы хотелось быть моим кормильцем, как, знаешь, есть такие несчастные мужья?

Гектор. Нет, черт возьми! Но что это за трижды проклятое создание - муж!

Миссис Хэшебай (капитану). А как насчет гарпунной пушки?

Капитан Шотовер. Никакого толку. Это на китов, а не на людей.

Миссис Хэшебай. А почему бы и нет? Ты стреляешь гарпуном из пушки, гарпун попадает прямо в неприятельского генерала - и ты его вытаскиваешь. Вот тебе и все.

Гектор. Ты дочь своего отца, Гесиона.

Капитан Шотовер. Да, тут можно что-нибудь придумать, конечно. Не затем, чтобы ловить генералов,- они не опасны. Но можно было бы стрелять железной кошкой и выуживать пулеметы, даже танки. Я над этим подумаю.

Миссис Хэшебай (нежно поглаживая капитана по плечу). Вот и спасены. Ты прямо прелесть, папочка. А теперь надо нам идти ко всем этим ужасным людям и занимать их. Капитан Шотовер. Ведь они не обедали, ты не забудь об этом.

Гектор. И я тоже не обедал. А уже темно. И, должно быть, бог знает который час!

Миссис Хэшебай. Ах, Гинес придумает им какой-нибудь обед. Прислуга никогда не забывает позаботиться о том, чтобы в доме была еда.

Капитан Шотовер (испускает какой-то странный вопль в темноте). Что за дом! Что за дочь!

Миссис Хэшебай (восторженно). Какой отец!

Гектор (вторит). Какой супруг!

Капитан Шотовер. Или гром, что ли, иссяк в небесах?

Гектор. Или красота и отвага иссякли на земле?

Миссис Хэшебай. И что только нужно мужчинам? Сыты, одеты, и у себя дома, и любовью нашей даруем мы их перед тем, как отойти ко сну. И все-то они недовольны. Почему они завидуют той муке, с какой мы производим их на свет, и сами создают для себя какие-то непостижимые опасности и мучения только для того, чтобы не отстать от нас?

Капитан Шотовер (нараспев, словно читает заклинание) Я дом дочерям построил и настежь открыл для гостей, Чтоб дочери, выйдя замуж, хороших рожали детей.

Гектор (подхватывает). Но вышла одна за чурбана, другая лжецом увлеклась.

Миссис Хэшебай (оканчивая строфу). И ложе его разделила, и любит лжеца и сейчас. Леди Этеруорд (кричит из сада). Гесиона, Гесиона, где ты?

Гектор. Кот на крыше! Миссис Хэшебай. Иду, дорогая, иду. (Быстро уходит в сад.)

Капитан возвращается к столу.

Гектор (уходя в переднюю). Зажечь вам свет?

Капитан Шотовер. Не надо. Дайте мне тьму еще поглубже. Деньги при свете не делаются.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Горит свет, шторы спущены. Входит Элли и за ней Менген, оба одеты к обеду. Она подходит к чертежному столу. Он становится между столом и плетеным креслом.

Менген. Что за обед! По-моему, это не обед, а так что-то всухомятку к чаю.

Элли. Я привыкла к сухомятке, мистер Менген, и очень рада, когда она есть. Кроме того, капитан сварил мне немножко макарон.

Менген (передергиваясь, желчно). Какая роскошь! Я не могу этого есть. Я думаю, это потому, что у меня слишком напряженная мозговая работа. Это самое тяжелое в жизни делового человека. Вечно приходится думать, думать, думать. Кстати, сейчас - пока мы одни - разрешите мне воспользоваться случаем, чтобы выяснить, так сказать, наши взаимоотношения.

Элли (усаживаясь на табурет у чертежного стола). Да, да, я как раз этого и хочу. Менген (оторопев). Вы хотите? Это меня, знаете, удивляет. Потому что, мне кажется, я заметил сегодня днем, вы всячески старались избегать меня. И это уж не первый раз.

Элли. Просто я устала. И мне было как-то не по себе. Я тогда еще не привыкла к этому необыкновенному дому. Пожалуйста, простите меня.

Менген желает обсудить свои отношения с Элли. Элли сообщает ему, что согласна выйти за него замуж, ссылаясь в разговоре на его доброе

сердце. На Менгена находит приступ откровенности, и он рассказывает девушке, как разорил её отца. Элли теперь это уже безразлично.

Н-да... так вот, что вы теперь обо мне скажете, мисс Элли?

Элли (опуская руки). Как странно, что моя мать, которая ни чего не понимала в делах, была совершенно права относительно вас! Она всегда говорила - конечно, не в присутствии папы, а нам, детям, - что вы вот именно такой человек.

Менген (выпрямляется, сильно задетый). Ах, она так говорила? И тем не менее она не возражала против того, чтобы вы вышли за меня.

Элли. Видите ли, мистер Менген, моя мать вышла замуж за очень хорошего человека - потому что, как бы вы там ни оценивали моего отца с деловой точки зрения, он сама доброта, - и ей совсем не хотелось, чтобы я повторила ее опыт. Менген. Во всяком случае, вы-то теперь уж не пойдете за меня замуж, не правда ли?

Элли (совершенно спокойно). Да нет, почему же?

Менген (встает, ошеломленный). Почему?

Элли. Я не вижу оснований, почему бы мы не могли с вами поладить.

Менген. Да, но послушайте, вы понимаете... (Умолкает, совершенно сбитый с толку.)

Элли (терпеливо). Да?

Менген. Я думал, что вы более щепетильны в ваших взаимоотношениях с людьми. Элли. Если бы мы, женщины, были слишком щепетильны по отношению к мужчинам, нам тогда вовсе не пришлось бы выходить замуж, мистер

Менген. Менген. Такой ребенок, как вы, и слышать от вас: "Мы, женщины"! Куда же дальше! Нет, не может быть, чтобы вы это говорили серьезно.

Элли. Совершенно серьезно. А разве вы - нет?

Менген. Вы хотите сказать, что вы не собираетесь от меня отказываться.

Элли. А вы хотите отказаться?

Менген. Да нет. Не то чтобы отказаться...

Элли. Так в чем же дело?

Менген не находит, что ответить. С протяжным свистом он падает в плетеное кресло и смотрит перед собой с видом проигравшегося в пух и прах игрока. Потом вдруг по лицу его проскальзывает что-то хитренькое, он облокачивается на ручку кресла и говорит вкрадчиво и понизив голос.

Менген. А что, если бы я вам сказал, что я влюблен в другую женщину?

Элли (в тон ему.) А если бы я вам сказала, что я влюблена в другого мужчину? Менген (в раздражении вскакивает). Я не шучу.

Элли. А почему вы думаете, что я шучу?

Менген. Повторяю вам, что я говорю совершенно серьезно. Вы слишком молоды, чтобы быть серьезной, но вам придется поверить мне. Я хочу быть поближе к вашей приятельнице, миссис Хэшебай. Я влюблен в нее. Ну вот, теперь я все выложил.

Элли. А я хочу быть поближе к вашему приятелю, мистеру Хэшебаю. Я влюблена в него. (Встает и чистосердечно заканчивает.) Ну, теперь, когда мы во всем открылись друг другу, мы будем настоящими друзьями. Благодарю вас за то, что вы доверились мне.

Менген (вне себя). И вы воображаете, что я позволю так злоупотреблять моей персоной?

Элли. Полно вам, мистер Менген. Вы же нашли возможным злоупотребить моим отцом в этих ваших делах. Брак для женщины - это такое же дело. Так почему же мне не злоупотребить вами в семейном смысле?

Менген. Потому что я не позволю этого! Потому что я не простофиля, как ваш отец, вот почему!

Элли (спокойно, с презрением). Вы не достойны ботинки чистить моему отцу, мистер Менген. Я делаю для вас громадную любезность, снисходя до того, чтобы злоупотребить вашей милостью, как вы изволили выразиться.

Менген пытается пойти на попятную. Он уже не горит желанием брать Элли в жены. Однако Элли угрожает, что если он вздумает расторгнуть помолвку, то ему будет только хуже. Она шантажирует его.

Он падает в кресло, восклицая, что его мозги этого не выдержат. Элли гладит его ото лба к ушам и гипнотизирует. Во время следующей сцены Менген, с виду спящий, на самом деле все слышит, но не может пошевелиться, как его ни пытаются растормошить окружающие.

Миссис Хэшебай (подходит к Мадзини, обойдя нянюку, и критически разглядывает Менгена). Глупости! И вовсе он не мертвый. Просто спит. Я вижу, как он дышит Няня. А почему ж он не просыпается?

Мадзини (очень вежливо говорит Менгену в самое ухо). Менген, дорогой Менген! (Дует ему в ухо.)

Миссис Хэшебай. Так не годится. (Изо всех сил встряхивает его.) Мистер Менген, извольте проснуться! Слышите? Он начинает сползать ниже, на пол. Ах, няня, няня! Он падает, помогите мне!

Няня бросается на помощь. Вместе с Мадзини они снова втаскивают Менгена на подушки.

Миссис Хэшебай (показывает Мадзини на фигуру в кресле). Ну, мистер Дэн, смотрите. Вы только посмотрите! Да хорошенько. Вы все еще настаиваете на том, чтобы принести вашу дочь в жертву этому чучелу?

Мадзини (смущенно). Меня прямо всего перевернуло, миссис Хэшебай, от того, что вы мне сказали. И чтобы кто-нибудь мог подумать, что я, я, прирожденный солдат свободы, если можно так выразиться, мог кому-нибудь или чему-нибудь пожертвовать моей Элли или что у меня когда-нибудь могла возникнуть мысль насиловать ее чувства или склонности, - это такой тяжкий удар моему... ну, скажем, моему доброму мнению о самом себе.

Гесиона убеждает Мадзини Дэна не выдавать дочь за Менгена. Мадзини высказывает все, что думает о нем: что тот ничего не смыслит в машинах, боится рабочих, не может ими управлять. Он такой младенец, что не знает даже, что ему есть и пить. Элли создаст ему режим. Она еще заставит его поплясать. Он не уверен, что лучше жить с человеком, которого любишь, но который всю жизнь у кого-то на побегушках.

Из сада входит Элли; вид у нее удрученный.

Миссис Хэшебай (поднимаясь). Ах, вот наконец и Элли. (Обходит диван сзади.) Элли (остановившись в двери по правому борту). Гинес сказала, что вы хотели меня видеть. Вы и папа.

Миссис Хэшебай. Вы заставили нас так долго ждать, что это почти уже потеряло... Ну, впрочем, все равно. Ваш отец совершенно удивительный человек. (Ласково ерошит ему волосы.) Первый и единственный до сих пор, который мог устоять против меня, когда я изо всех сил старалась понравиться. (Подходит к большому креслу по левую сторону от Менгена.) ..... В конце концов это не важно, потому что я наконец убедила вашего отца, что вам не следует выходить за него замуж. Элли (внезапно выходя из своего равнодушия, очень раздосадованная). А зачем

вы это делали? Я хочу выйти за него замуж. Я твердо решила выйти за него. Мадзини. Ты вполне уверена в этом, Элли? Миссис Хэшебай дала мне почувствовать, что я в этом деле проявил, быть может, некоторый эгоизм и легкомыслие.

Элли (очень отчетливо, внятно и уверенно). Папа, если когда-нибудь миссис Хэшебай еще раз возьмет на себя смелость объяснить тебе, что я думаю и чего я не думаю, ты заткни уши покрепче и закрой глаза. Гесиона ничего обо мне не знает. Она не имеет ни малейшего понятия, что я за человек, - и никогда этого не поймет. Обещаю тебе, что я никогда не буду делать ничего такого, чего бы я не хотела и не считала бы нужным для собственного блага.

Мадзини. Ты в этом вполне, вполне уверена?

Элли. Вполне, вполне. Ну, а теперь иди и дай нам поговорить с миссис Хэшебай. Мадзини. Мне хотелось бы послушать. Разве я помешаю?

Элли (неумолимо). Я предпочитаю поговорить с ней наедине. Мадзини (нежно). Ну хорошо, хорошо. Я понимаю. Родители - всегда помеха. Я буду пайнкой. (Идет к двери в сад.) Да, кстати, ты не помнишь адреса того специалиста, который меня разбудил? Как ты думаешь, не послать ли ему сейчас телеграмму?

Миссис Хэшебай (направляясь к дивану). Сегодня уж поздно телеграфировать. Мадзини. Да, пожалуй. Ну, я надеюсь, он ночью сам проснется (Уходит в сад.) Элли (едва только отец выходит из комнаты, круто поворачивается к Гесионе). Гесиона, какого черта вы заводите такие неприятные разговоры с отцом из-за Менгена?

Миссис Хэшебай (сразу теряя самообладание). Как вы смеете так разговаривать со мной, противная девчонка? Не забывайте, что вы у меня в доме!

Элли. Чепуха! Зачем вы суетесь не в свое дело? Вам-то что, выйду я за Менгена замуж или нет?

Миссис Хэшебай. Вы что, думаете запугать меня? Вы, маленькая авантюристка, которая ищет себе мужа!

Элли. Всякая женщина, у которой нет денег, ищет себе мужа. Вам хорошо болтать. Вы никогда не знали, что это такое - вечно быть без денег. Вы можете себе подхватывать мужчин, как цветочки по дороге. А я, бедная, порядочная...

Миссис Хэшебай (прерывает ее). Ха! Порядочная. Как вы подцепили Менгена? Как

вы подцепили моего мужа? И у вас хватает дерзости говорить мне, что я... я... Элли. Сирена, вот вы кто. Вы созданы для того, чтобы водить мужчин за нос. Если бы это было не так, Марк, может быть, дождался бы меня.

Миссис Хэшебай (внезапно остывая и уже полу смеясь). Ах, бедняжка моя Элли, детка моя! Бедная моя крошка! Мне до того жаль, что это так вышло с Гектором. Но что же я могу сделать? Ведь я не виновата. Я бы вам его уступила, если бы могла.

Элли. Я вас и не виню.

Миссис Хэшебай. Какая же я скотина, что начала с вами ругаться. Ну, идите ко мне, поцелуйте и скажите, что не сердитесь.

Элли (злобно). Ах, перестаньте вы, пожалуйста, сюсюкать, изливаться и сентиментальничать. Неужели вы не понимаете, что если я не заставлю себя быть жестокой и твердой, как камень, то я сойду с ума. Мне совершенно наплевать, что вы меня ругали и обзывали как-то. Неужели вы думаете, что для женщины в моем положении могут что-нибудь значить какие-то слова?

Миссис Хэшебай. Беденькая вы моя женщина! Такое ужасное положение!

Элли. Вам, наверное, кажется, что вы необыкновенно чуткая. А вы просто глупое, взбалмошное, эгоистическое существо. Вы видите, как меня ударило - ударило прямо в лицо, - и это убило целую и лучшую часть моей жизни - ту, что уже никогда теперь не вернется. И вы воображаете, что можно меня утешить вот этими поцелуями и сюсюканьем. Когда мне нужно собрать в себе всю силу, чтобы я могла хоть на что-нибудь опереться, на что-то железное, каменное, все равно, как бы это ни было больно, - вы болтаете тут всякую чепуху и причитаете надо мной. Я не сержусь; я не чувствую к вам никакой вражды. Но только, бога ради, возьмите вы себя в руки и не думайте, пожалуйста, что если вы всю жизнь не жили в бархате и сейчас так живете, то женщины, которые жили в самом настоящем аду, могут так же легко ко всему относиться, как и вы.

Миссис Хэшебай (пожимая плечами). Превосходно. (Садится на диван, на старое место.) Но я должна предупредить вас, что когда я не сюсюкаю, не целуюсь, не смеюсь, то я только об одном думаю: сколько еще я могу выдержать в этом проклятом мире, наполненном жестокостью. Сирены вам не нравятся. Хорошо, оставим сирен в покое. Вы хотите успокоить ваше израненное сердце на жернове. Отлично. (Скрепящая руки на груди.) Вот вам жернов.

Элли (усаживается около нее, несколько успокоившись). Так-то вот лучше. У вас поистине удивительная способность - приладиться к любому настроению. Но все равно вы ничего не понимаете, потому что вы не из того сорта женщин, для которых существует только один мужчина и одна возможность.

Миссис Хэшебай. Я, конечно, совершенно не понимаю, каким образом, связав себя с этим чучелом (указывая на Менгена), вы утешитесь в том, что не можете стать женою Гектора.

Элли. Вы, вероятно, не понимаете и того, почему сегодня утром я была такой милой девочкой, а сейчас я уже не девочка и не такая уж милая.

Миссис Хэшебай. Нет, это я понимаю. Потому что вы вбили себе в голову, что вы должны сделать что-то гадкое и мерзкое.

Элли. Нет, этого у меня нет в мыслях, Гесиона. Но я должна что-то постараться сделать с этим разбитым корытом.

Миссис Хэшебай. Ну-у! Все это вы переживете. И корыто ваше целехонько.

Элли. Конечно переживу. Надеюсь, вы не воображаете, что я сяду, сложив руки, и буду ждать, когда я умру от разбитого сердца или останусь старой девой, которая живет на подаяние общества помощи престарелым инвалидам. Но все равно - сердце у меня разбито. Я просто хочу сказать этим, что я знаю: то, что было у меня с Марком, больше для меня никогда не повторится. И в мире для меня существует Марк и безликая масса других мужчин, которые все одинаковы. Но если мне отказано в любви, это еще не значит, что я к тому же должна жить в бедности. И если у Менгена нет ничего другого, так у него по крайней мере есть деньги. Миссис Хэшебай. А разве нет на свете молодых людей с деньгами?

Элли. Для меня нет. Кроме того, молодой человек будет вправе ожидать от меня любви и, возможно, бросит меня, когда увидит, что ничего такого я ему дать не могу. Богатые молодые люди, вы сами знаете, имеют возможность очень легко отделаться от своих жен. А это чучело, как вы изволите выражаться, не может от меня ждать ничего, кроме того, что я намерена ему предоставить.

Миссис Хэшебай. Вы будете его собственностью, не забудьте. Если он вас купит, он постарается, чтобы эта сделка была выгодна ему, а вовсе не вам. Спросите-ка у вашего отца.

Элли (встает, подходит к креслу и разглядывает предмет их разговора). Об этом вы можете не беспокоиться, Гесиона. Я могу дать Боссу Менгену больше, чем он мне. Это я его покупаю, и за хорошую цену. Женщины в такого рода сделках судят лучше мужчин. И десять Боссов Менгенов не помешают мне делать то, что мне заблагорассудится в качестве его жены, и много больше, чем если бы я осталась бедной девушкой. (Наклоняясь над неподвижным телом.) Ведь правда, не помешают. Босс? Я думаю, нет. (Идет к

чертежному столу, останавливается, прислонившись к нему, и смотрит в окно.) Во всяком случае, мне не придется вечно думать о том, долго ли еще продержатся мои перчатки.

Миссис Хэшебай (величественно поднимаясь). Элли! Вы маленькое порочное, подленькое животное. И подумать только: я снизошла до того, что старалась пленить эту жалкую тварь, чтобы спасти вас от него. Так вот, разрешите заявить вам следующее: если вы вступите в этот омерзительный союз, вы больше никогда не увидите Гектора, поверьте мне.

Элли (невозмутимо). Я сразила Менгена, пригрозив ему, что если он не женится на мне, так он вас больше никогда в глаза не увидит. (Садится на край стола.)

Миссис Хэшебай (содрогаясь). Вы... вы...

Элли. Так что видите, этот ваш козырь - он для меня не неожиданность. А впрочем, ну что ж, попробуйте. Посмотрим. Я могла бы сделать из Марка человека, а не комнатную собачку.

Миссис Хэшебай (вспыхивая). Как вы смеете?

Элли (с почти угрожающим видом). А вот попробуйте, дайте ему повод думать обо мне; посмотрим, как вы посмеете.

Миссис Хэшебай. Нет, в жизни моей не видела такого наглого чертенка! Гектор говорит, что есть предел, после которого единственный ответ человеку, не желающему знать никаких правил, это хорошая оплеуха. Что, если я надеру вам уши?

Элли (спокойно). Я вцеплюсь вам в волосы.

Миссис Хэшебай (ехидно). А я бы и не почувствовала. Может быть, я их снимаю на ночь.

Элли (так поражена, что соскакивает со стола и подбегает к ней). О нет, не может быть, Гесиона, чтобы эти чудесные волосы были фальшивые.

Миссис Хэшебай (поглаживая свои волосы). Только вы не говорите Гектору: он ведь думает, что они настоящие

Элли (со стоном отчаяния). О, даже волосы, которыми вы опутали его, - все, все фальшивое!

Миссис Хэшебай. Ну-ка, потяните, попробуйте. Есть женщины, которые своими волосами ловят мужчин, как в сеть, а я вот на своих укачиваю младенца. А вам, золотые локончики, этого не сделать!

Элли (убитая). Нет, не сделать. Вы украли моих младенцев.

Миссис Хэшебай. Душенька, ведь я сейчас заплачу. Вы знаете, вот то, что вы сказали, будто я из него делаю комнатную собачку, это до некоторой степени правда. Может быть, ему следовало подождать вас. Ну разве какая-нибудь другая женщина на свете простила бы вам это?

Элли. Ах, но по какому праву вы забрали его всего, всего целиком и только для себя! (Овладевая собой.) Ну довольно, вы тут ничем не виноваты. И никто не виноват. И он не виноват. Нет, нет, не говорите мне больше ничего. Я не могу этого вынести. Давайте разбудим наше чучело.

Менген просыпается, когда Элли выводит его из состояния гипноза. Он в ярости от всего услышанного о себе. Гесиона, которая весь вечер хотела переключить внимание Менгена с Элли на себя, видя его слезы и упреки, понимает, что сердце его тоже разбилось в этом доме. А она и не подозревала, что у Менгена оно вообще есть. Она пытается его утешить. Вдруг в доме раздается выстрел. Мадзини приводит в гостиную вора, которого только что чуть было не подстрелил. Вор хочет, чтобы на него заявили в полицию и он смог бы искупить свою вину, очистить совесть. Однако никому не хочется участвовать в судебном процессе. Вору сообщают, что он может идти, и дают ему денег на то, чтобы он смог приобрести новую профессию. Когда он уже находится в дверях, входит капитан Шатовер и узнает в нем Била Дэна, своего бывшего босмана, который его когда-то обворовал. Он приказывает служанке запереть вора в дальней комнате.

Мадзини. А это не опасно, оставить его вот так, в доме? Няня. И что же вы его не убили, сэр? Знала бы я, кто это, так сама бы убила. (Уходит.)

Миссис Хэшебай. Садитесь, пожалуйста, господа. (Усаживается на диван.)

Каждый выбирает себе местечко, за исключением Элли.

Мадзини садится на свое прежнее место. Рэндел присаживается на подоконник у двери по правому борту и, снова покачивая свою кочергу наподобие маятника, пылливо, словно Галилей, наблюдает за нею. Гектор садится слева от него, посередине. Менген, всеми забытый, пристраивается в левом углу.

Леди Этеруорд усаживается в большое кресло. Капитан Шотовер в глубокой задумчивости уходит в кладовую. Все провожают его взглядами,

а леди Этеруорд многозначительно кашляет. Так, Билли Дэн - это герой романа нашей бедной няни. Я знала, что у нее что-то такое было.

Рэндел. Теперь у них снова пойдут перепалки, и оба будут вкушать полное блаженство.

Леди Этеруорд (раздраженно). Вы не женаты. Ничего в этом не понимаете, Рэндел. Придержите язык.

Рэндел. Тиранша!

Миссис Хэшебай. Ну вот, у нас был необыкновенно занимательный вечер. Дальше уж все будет не так интересно. Пожалуй, лучше идти спать.

Рэндел. А вдруг еще кто-нибудь залезет?

Мадзини. Ах нет, немислимо. Надеюсь, что нет.

Рэндел. А почему? Ведь не один же у нас вор на всю Англию?

Миссис Хэшебай. А вы что скажете об этом, Альф?

Менген (обиженно). Ну что мое мнение значит? Обо мне забыли. Вор расквасил мне нос. Ткните меня куда-нибудь в угол и забудьте обо мне.

Миссис Хэшебай (вскакивает и с явно злонамеренным видом направляется к нему). Не хотите ли прогуляться до верескового луга, Альфред? Со мной?

Элли. Ступайте, мистер Менген. Вам будет полезно. Гесиона вас утешит.

Миссис Хэшебай (взяв его под руку, поднимает его). Идемте, Альфред. Луна. Ночь. Прямо как в "Тристане и Изольде". (Гладит его руку и тащит его к двери в сад.)

Менген (упирается, но поддается). И как это у вас духу хватает, сердца... (Чувства его прорываются наружу, из-за двери доносятся его рыдания.)

Леди Этеруорд. Что за непонятная манера вести себя? Что с ним такое, с этим человеком?

Элли (странным спокойным голосом, устремив глаза в какую-то воображаемую даль). У него разбивается сердце, вот и все.

В дверях кладовой появляется капитан и слушает.

Странное это ощущение - боль, которая милосердно уводит нас за пределы наших чувств. Когда сердце разбито, все корабли сожжены, тогда уж все равно. Конец счастью и начало покоя.

Леди Этеруорд (неожиданно вскакивает в бешенстве, ко всеобщему удивлению). Как вы смеете?

Гектор. Боже милостивый. Да что случилось?

Рэндел (предостерегающе, шепотом). Шшш... Шшш... Тише!

Элли (удивленно и надменно). Я не обращаюсь лично к вам, леди Этеруорд. И я не привыкла, чтобы меня спрашивали, как я смею.

Леди Этеруорд. Разумеется, нет. Всякий может видеть, как вы дурно воспитаны.

Мадзини. Ах, нет! Надеюсь, нет, леди Этеруорд. Нет, в самом деле!

Леди Этеруорд. Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Какая наглость!

Элли. А что, собственно, вы хотите сказать?

Капитан Шотовер (подходя к креслу). Она хочет сказать, что ее сердце не разобьется. Всю жизнь она мечтала о том, чтобы кто-нибудь разбил его. А теперь она боится, что разбивать, собственно, нечего.

Леди Этеруорд (бросается на колени и обнимает ноги отца). Папа, неужели ты думаешь, что у меня нет сердца?

Капитан Шотовер (поднимает ее с угрюмой нежностью). Если бы у тебя не было сердца, дитя, как могла бы ты мечтать, чтобы оно у тебя разбилось?

Гектор (вскакивает как ужаленный). Леди Этеруорд, на вас нельзя положиться - вы устроили сцену. (Убегает в дверь направо.)

Леди Этеруорд. О Гектор, Гектор! (Бежит за ним.)

Рэндел. И все это только нервы, уверяю вас. (Встает и идет за ней, в волнении размахивая кочергой.) Ариадна! Ариадна! Бога ради, будьте осторожней... Вы... (Уходит.)

Мадзини (вставая). Как неприятно! Не могу ли я - как вы думаете - чем-нибудь быть полезным?

Капитан Шотовер (быстро подвигает стул к чертежному столу и садится за работу). Нет. Ступайте спать. Покойной ночи.

Мадзини (оторопев). О-о! А впрочем, пожалуй, вы и правы.

Элли. Покойной ночи, дорогой. (Целует его.)

Мадзини. Покойной ночи, милая. (Направляется к двери, но потом подходит к книжной полке.) Я только возьму какую-нибудь книжку. (Достает книгу с полки.) Покойной ночи. (Уходит, оставляя Элли наедине с капитаном.) Капитан погружен в свои чертежи. Элли, словно на страже, стоит за его спиной и некоторое время смотрит на него молча.

Когда все расходятся, Элли беседует с капитаном, который советует ей не выходить за Менгена и не позволять страху перед бедностью управлять её

жизнью. Он рассказывает ей о своей судьбе, о своем заветном желании достичь седьмой степени созерцания. Элли чувствует себя с ним необыкновенно хорошо.

Из сада в дверь но правому борту входят Гектор и Рэндел.

Гектор. Прошу прощения. Мы думали, тут никого нет. Элли. (вставая). Это, надо полагать, означает, что вы хотите рассказать мистеру Рэнделу историю с тигром. Идемте, капитан. Я хочу поговорить с отцом, и лучше вам быть при этом.

Капитан Шотовер (поднимаясь). Глупости! Он уже лег спать.

Элли. Ага! Вот я вас и поймала. Настоящий мой отец лег спать. Но отец, которого вы мне выдумали, в кухне. И вы отлично знали это с самого начала. Идемте. (Тащит его в сад, к двери по левому борту.)

Гектор. Вот удивительная девчонка! Водит Старого Моряка за собой на цепочке, как комнатную собачку.

Рэндел. Ну вот, теперь, когда они ушли, может быть, мы с вами потолкуем по-дружески?

Гектор. Вы в моем доме. По крайней мере, все считают его моим... Я к вашим услугам.

Гектор садится на стул у чертежного стола, повернувшись лицом к Рэнделу, который стоит, небрежно прислонившись к верстаку.

Рэндел. Я полагаю, мы можем быть вполне откровенны. Я имею в виду леди Этеруорд.

Гектор. Вы можете говорить откровенно. А мне нечего сказать. Я ни разу ее не видел до сегодняшнего дня.

Рэндел (выпрямляясь). Что? Ведь вы муж ее сестры?

Гектор. Ну, если уж на то пошло, так ведь вы - брат ее мужа.

Рэндел. Но ведь вы с ней, по-видимому, очень близки?

Гектор. Как и вы.

Рэндел. Да. Но я с ней действительно близок. Я знаю ее уже много лет.

Гектор. По-видимому, ей понадобилось много лет для того, чтобы достичь с вами той интимности, которая со мной завязалась через пять минут.

Рэндел (оскорбленный). Поистине, Ариадна - это предел (Отходит, надутый, к окну.)

Гектор (хладнокровно). Она, как я уже говорил Гесионе весьма предприимчивая женщина.

Рэндел (оборачивается в возбуждении). Видите ли, Хэшебай, вы то, что женщины называют красивый мужчина.

Гектор. В дни, когда меня обуревало тщеславие, я старался сохранить эту видимость. И Гесиона настаивала, чтобы я продолжал это и сейчас. Она заставляет меня напяливать эти дурацкие штуки (показывает на арабский костюм), потому что ей кажется, что у меня нелепый вид во фраке.

Рэндел. Вы отлично сохранились, дружище. Так вот, уверяю вас, в моем отношении нет ни капли ревности.

Гектор. Казалось бы, много уместнее было бы поинтересоваться, нет ли этой капли у вашего брата?

Рэндел. Что? Гастингс? Насчет Гастингса вы не беспокойтесь. Он обладает способностью работать по шестнадцать часов в день над какой-нибудь скучнейшей мелочью, и ему это действительно доставляет удовольствие. Поэтому-то он и выдвигается всюду. Пока Ариадна заботится о том, чтобы он вовремя поел, он будет только благодарен всякому, кто поддержит ее хорошее настроение.

Гектор. А так как она обладает фамильным обаянием Шотоверов, то претендентов находится более чем достаточно.

Рэндел (свирепо). Она поощряет их. Ее поведение - это сплошной скандал. Уверяю вас, дорогой мой, что в моем отношении нет ни капли ревности. Но она своим легкомыслием заставляет говорить о себе везде, где бы она ни появилась. Вот ведь что. А на самом деле она совершенно равнодушна к мужчинам, которые увиваются вокруг нее. Но кто это может знать? И получается что-то довольно некрасивое по отношению к Гастингсу; некрасивое и по отношению ко мне.

Гектор. Она убеждена, что ведет себя столь безупречно...

Рэндел. Безупречно! Она только тем и занимается, что с утра до вечера устраивает сцены. Берегитесь, дружище! Она вам наделает хлопот,- то есть, верней сказать, наделала бы, если бы всерьез заинтересовалась вами.

Гектор. Значит, она не интересуется мною?

Рэндел. Ни чуточки. Ей просто хочется прибавить еще один скальп к своей коллекции. Настоящее ее чувство отдано уже давно - много лет тому назад. Так что советую вам поостеречься.

Гектор. Скажите, вы очень страдаете от этого чувства ревности?

Рэндел. Ревности? Я! Ревную! Дорогой мой, я же вам сказал, что в моем отношении нет ни капли...

Гектор. Да... А вот леди Этеруорд сказала мне, что она никогда не устраивает сцен. Так вот, бросьте вы расточать попусту вашу ревность на мои усы. Никогда не ревнуйте к настоящему живому мужчине. В конце концов всех нас вытесняет воображаемый герой. К тому же ревность ужасно не идет к вашей

непринужденной позе светского человека, которую вы так успешно сохраняете во всех остальных случаях жизни.

Рэндел. Ну, знаете, Хэшебай, мне кажется, мужчина может позволить себе быть джентльменом, и не обязательно обвинять его за это в позерстве.

Гектор. Это тоже поза, не меньше какой-либо другой. Мы здесь все позы наизусть знаем. У нас дома такая игра: обнаружить, что за человек прикрывается той или иной позой. Насколько я понимаю, за вашей позой скрывается излюбленный герой Элли - Отелло. Рэндел. Позвольте уж сказать вам, что кой-какие игры в этом доме чрезвычайно раздражают.

Гектор. Да, я сам много лет был их жертвой. Сначала я прямо-таки корчился от этого. Потом, знаете, привык. А теперь и сам научился играть.

Рэндел. Я бы вас попросил, если для вас это не составит труда, не играть в эти игры со мной. Вы, по-видимому, абсолютно не понимаете ни моего характера, ни того, что я привык считать хорошим тоном.

Гектор. А это входит в ваше понятие хорошего тона - поносить леди Этеруорд? Рэндел (в его негодовании прорывается жалобная детская нотка). Я ни одного слова не сказал против леди Этеруорд. Это опять какой-то заговор против меня.

Гектор. Какой заговор?

Рэндел. Вы отлично знаете, сэр. Заговор, который имеет в виду выставить меня мелочным, ревнивым, ребячливым, - то есть как раз наделить меня такими качествами, которых у меня нет. Все знают, что я представляю собой полную противоположность этому.

Гектор (поднимаясь). По-видимому, в атмосфере нашего дома есть что-то, что скверно на вас действует. Это нередко бывает. (Идет к двери в сад и подчеркнуто повелительным тоном зовет леди Этеруорд.) Ариадна!

Леди Этеруорд (откуда-то издали). Да?

Рэндел. Зачем вы ее зовете? Я хочу поговорить...

Леди Этеруорд (врывается, запыхавшись). Да? Нет, в самом деле, у вас страшно властная натура. Что такое?

Гектор. Да вот я что-то не могу управиться с вашим приятелем Рэнделом. Вы, конечно, знаете, как к нему подступиться?

Леди Этеруорд. Рэндел, вы опять выкинули какую-нибудь глупость? Я вижу по вашему лицу. Нет, вы поистине самое мелочное существо на свете.

Рэндел. Вы отлично знаете, Ариадна, что в моей натуре нет ни капли мелочности. Я держал себя здесь в высшей степени обходительно. Я остался совершенно невозмутим при виде вора. Это моя особо отличительная черта - невозмутимость. Но... (топает ногой и начинает сердито расхаживать) я требую, чтобы со мной обращались с известным уважением. Я не позволю Хэшебаю фамильярничать со мной. Я не потерплю, чтобы вы поощряли мужчин бегать за вами.

Гектор. Этот человек носит в себе сильно укоренившееся заблуждение в том, что он ваш супруг.

Леди Этеруорд. Знаю. Он ревнует. Как будто у него есть на это какие-то права! Он вечно меня компрометирует. Устраивает сцены повсюду. Я этого не допущу, Рэндел. Вы не имеете права пререкаться из-за меня с Гектором. Я не желаю быть предметом мужских пересудов.

Гектор. Будьте благоразумны, Ариадна. Ваша роковая красота сама по себе заставляет мужчин пререкаться.

Леди Этеруорд. Ах вот как! А что вы скажете о вашей роковой красоте?

Гектор. Что ж я могу с этим сделать?

Леди Этеруорд. Вы можете сбрить себе усы. Я могу отрезать себе нос. Всю жизнь мне приходится терпеть из-за мужчин, которые в меня влюбляются. А потом Рэндел говорит, что я бегаю за мужчинами.

Рэндел. Я...

Леди Этеруорд. Да, да, вы говорили. Вы только что это сказали. Почему вы ни о чем не можете подумать, кроме женщин? Наполеон был совершенно прав, когда говорил, что женщины - это занятие для бездельников. А уж из всех бездельников самый отъявленный - это Рэндел Этеруорд...

Рэндел. Ариа...

Леди Этеруорд (прерывая его целым потоком слов). Да, да, бездельник. И нечего спорить. Сделали ли вы хоть что-нибудь за всю свою жизнь? На что вы годитесь?хлопот с вами больше, чем с трехлетним младенцем. Вы шагу ступить не можете без чужих услуг.

Рэндел. Это...

Леди Этеруорд. Лень! Воплощенная лень! Сплошной эгоизм! Самый скучный человек на земле. Даже когда вы сплетничаете, вы ни о чем не можете говорить, кроме как о себе самом, о своих огорчениях, своих болезнях и о том, кто вас обидел. (Обращается к Гектору.) Знаете, как его прозвали, Гектор?

Гектор | (оба Пожалуйста, не говорите мне этого. Рэндел } вместе). Я не потерплю этого.

Леди Этеруорд. Рэндел-слюнтяй - вот как его зовут в обществе.

Рэндел (кричит). Я не допущу этого, повторяю вам. Выслушайте меня, вы, дьявольская... (Задыхается.)

Леди Этеруорд. Ну-ну, я вас слушаю. Как это вы собирались меня назвать? Дьявольская... что? Каким противным животным я стану на этот раз?

Рэндел (захлебываясь от негодования). Нет в мире такого омерзительного животного, каким способна быть женщина. Вы суший дьявол, который может с ума свести человека! Вы не поверите мне, Хэшебай, если я вам скажу, что я любил этого демона всю мою жизнь. Но бог свидетель, как я был за это наказан. (Опускается на стул и плачет.)

Леди Этеруорд (останавливается перед ним, глядя на него с презрительным торжеством}. Нюня!

Гектор (подходит к нему, серьезным тоном). Друг мой, эти сестры Шотовер имеют в своем распоряжении две колдовские штуки против мужчин: они могут их заставить любить себя и могут заставить их плакать. Благодарите вашу звезду, что вы не женаты ни на одной из них.

Леди Этеруорд (надменно). Прошу вас, Гектор...

Гектор (внезапно берет ее за плечи, круто поворачивает ее от Рэндела к себе и хватая рукой за горло). Ариадна! Если вы только посмеете начать эти штуки со мной, я вас задушу. Слышите? Игра в кошки-мышки с прекрасным полом - премилая игра, но я могу с вами до того доиграться, что голову вам оторву. (Толкает ее без всяких церемоний в большое кресло и продолжает уже не так свирепо, но твердо.) Наполеон верно сказал, что женщины - это занятие для бездельников. Но он сказал еще, что женщина - это утеха воина. Так вот, я - воин. Берегитесь!

Леди Этеруорд (ничуть не обиженная, а скорее даже польщенная этим неистовством). Дорогой Гектор, я ведь сделала только то, что вы просили.

Гектор. Как вас прикажете понять? Будьте добры объясниться.

Леди Этеруорд. Вы позвали меня сюда, чтобы утихомирить Рэндела. Вы сказали, что сами не можете с ним справиться.

Гектор. Ну и что из того, что я сказал, - я не просил вас доводить человека до сумасшествия.

Леди Этеруорд. Да ничуть он не сходит с ума. Просто это такой способ унять его. Будь вы матерью, вы бы меня поняли.

Гектор. Матерью? Что вы тут такое задумали?

Леди Этеруорд. Все очень просто. Когда дети у меня капризничали и не слушались, я их шлепала как следует, чтобы поревели хорошенько, - это была для них такая полезная встряска. После этого они прекрасно спали и потом на другой день отлично вели себя. Но ведь не могу же я отшлепать Рэндела. Он слишком велик. Поэтому, когда у него нервы не в порядке и он раскапризничается, я просто довожу его до слез. Вот теперь он будет хорошо вести себя. Посмотрите, он уже совсем спит. Так оно, в сущности, и есть.

Рэндел (просыпается, с возмущением). Я не сплю. Какая вы жестокая, Ариадна! (Расчувствовавшись.) Но я, кажется, готов простить вас, как всегда. (Подавляет зевоту.)

Леди Этеруорд (Гектору). Ну, грозный воин, вы удовлетворены моим объяснением?

Гектор. Когда-нибудь, если вы зайдете слишком далеко, я вас зарежу. Я думал раньше, что вы просто дура.

Леди Этеруорд (смеясь). Все почему-то так думают сначала. Но я не такая дура, как это может показаться на первый взгляд. (Очень довольная, встает.) Ну, Рэндел, теперь марш спать. И утром вы будете пай-мальчиком.

Рэндел (слабо сопротивляясь). Я пойду спать, когда мне захочется. Сейчас еще и десяти нет.

Леди Этеруорд. Десять уже давно было. Пожалуйста, Гектор, посмотрите, чтобы он сейчас же пошел спать. (Уходит в сад.)

Гектор. Есть ли на свете рабство более гнусное, чем это рабство мужчин у женщин?

Рэндел (решительно поднимаясь). Я завтра не стану с ней разговаривать. Целую неделю не буду с ней говорить. Я ее так проучу... И сейчас пойду спать, не простившись с ней. (Идет к двери в переднюю.)

Гектор. Околдовали вас, человек. Старик Шотовер продан дьяволу на Занзибаре. И дьявол дал ему за это чернокожую ведьму в жены. Эти две чертовки-дочки - мистический плод сего союза. Я привязан к юбке Гесионы, но я муж ей. И если я даже и совершенно спятил из-за нее, то мы хоть поженились, по крайней мере. Но почему вы позволяете, чтобы Ариадна швыряла вас и таскала, как ребенок таскает и колотит игрушечного ослика? Какая вам от этого радость? Вы что, любовник ее, что ли?

Рэндел. Вы не должны это так дурно понимать. Может быть, в высшем смысле, в платоническом...

Гектор. Фью-ю... В платоническом! Она держит вас на побегушках. А когда приходит время расплачиваться, она надувает вас. Так это надо понимать?

Рэндел (вяло). Мне кажется... если я против этого не возражаю... то вам-то до этого какое дело? Кроме того, я же вам сказал, что я проучу ее. Вот увидите. Я знаю, как надо обращаться с женщинами. А правда, я, кажется, совсем засыпаю. Пожелайте миссис Хэшебай от меня покойной ночи, не считите за труд. Спокойной ночи. (Поспешно уходит.)

Гектор. Бедняга! О, женщины! Женщины! Женщины! (Поднимает кулаки к небу и потрясает ими, точно произнося заклинание) Развернись! Развернись и сокруши! (Уходит в сад.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гектор выходит в сад через стеклянную дверь кормовой галереи. С восточной стороны от эспланады, в свете дугового фонаря, который в своем матовом колпаке похож на луну, леди Этеруорд томно раскинулась в гамаке; рядом с изголовьем гамака стоит складной стул. С другой стороны флагштока, на длинной садовой скамье, спит капитан Шотовер, рядом с ним сидит Элли, нежно прижавшись к его

плечу; по левую сторону от них палубный стул. Позади в темноте прогуливаются Гесиона и Менген. Прекрасная тихая, безлунная ночь.

Леди Этеруорд. Какая чудесная ночь! Как будто нарочно для нас.

Гектор. Никакого ей до нас дела нет. Что мы ей? (Угрюмо садится на стул.)

Элли (сонно прижимаясь к капитану). Эта ее красота прямо проникает во все мои жилки. Ночь несет в себе покой для старых и надежду для юных.

Гектор. Это вы что - сами придумали? Элли. Нет. Это последняя фраза капитана перед тем, как он заснул.

Капитан Шотовер. Я не сплю.

Гектор. Рэндел спит. И мистер Мадзини Дэн. И Менген, должно быть, тоже.

Менген. А вот и нет. Гектор. Ах, вы здесь? Я думал, Гесиона уже отправила вас спать.

Миссис Хэшебай (подходит сзади к скамье и появляется в круге света вместе с Менгеном). Да, пожалуй, пора. Менген без конца повторяет мне, что у него предчувствие, будто он умрет. В жизни не видела человека, который бы с такой жадностью добивался, чтобы его пожалели.

Менген (жалобно). Но у меня правда такое предчувствие. Правда же. А вы не хотите слушать.

Миссис Хэшебай. Я слушала что-то другое. Тут было какое-то чудесное жужжанье в небе. Никто не слышал? Откуда-то донеслось издали, а потом замерло.

Менген. Я же вам сказал, что это поезд.

Миссис Хэшебай. А я вам говорю, Альф, что в эти часы никакого поезда нет. Последний приходит в девять сорок пять.

Менген. Может быть, какой-нибудь товарный.

Миссис Хэшебай. По нашей маленькой ветке они не ходят. Просто прицепляют к пассажирскому один товарный вагон. Что бы это такое могло быть, Гектор?

Гектор. Это грозное рычание неба, знаменующее его отвращение к нам, жалким, бесполезным тварям. (Исступленно.) Я вам говорю, вот увидите, что-нибудь случится. Одно из двух: или из тьмы выйдет какое-то новое существо на смену нам, как мы пришли на смену животным, или небосвод с грохотом обрушится и уничтожит нас.

Леди Этеруорд (хладнокровно, поучительным тоном, укладываясь поуютнее в своем гамаке). Вовсе мы не приходили на смену животным, Гектор. Почему вы призываете небо обрушиться на этот дом, в котором можно было бы устроить такую уютную жизнь, если бы только Гесиона имела хоть малейшее представление о том, как надо жить? Разве вы не понимаете, в чем главный недостаток этого дома?

Гектор. Мы - главный недостаток. Смысла в нас нет ни малейшего. Мы бесполезны, опасны. И нас следует уничтожить.

Леди Этеруорд. Глупости! Гастингс в первый же день, как только приехал сюда, - это было тому назад года двадцать четыре, кажется, - сразу же сказал мне, в чем недостаток нашего дома.

Капитан Шотовер. Что? Чурбан сказал, что в моем доме какой-то недостаток?

Леди Этеруорд. Я сказала, что это Гастингс сказал, а он вовсе не чурбан.

Капитан Шотовер. Какой же это недостаток в моем доме?

Леди Этеруорд. Такой же, как и на корабле, папа. Разве не тонко было со стороны Гастингса подметить это?

Капитан Шотовер. Дурак он. Какой может быть недостаток на корабле? Там все на месте.

Леди Этеруорд. Нет, не все.

Миссис Хэшебай. Ну, а что же такое? Да не тяни ты, Эдди.

Леди Этеруорд. Угадajte.

Гектор. Дьяволицы, дочери ведьмы занзибарской! Дьяволицы!

Леди Этеруорд. А вот и нет. Уверяю вас, все, что нужно, чтобы сделать этот дом разумным, здоровым, приятным, чтобы у всех был хороший аппетит и здоровый сон, - это лошади.

Миссис Хэшебай. Лошади! Какая чушь!

Леди Этеруорд. Да, лошади. Почему мы никогда не могли сдать этот дом внаем? Потому что тут нет конюшен. Поезжайте куда угодно в Англии, где живут нормальные, здоровые, довольные, настоящие, порядочные англичане, и вы увидите, что главный стержень всего дома - это конюшни; а если кому-нибудь из гостей вздумается побренчать на рояле, так, прежде чем открыть его, надо всю комнату перевернуть вверх дном - чего-чего только не навалено на крышке. Я до тех пор не почувствовала, что существую, пока не научилась ездить верхом. Но я никогда по-настоящему, как следует, ездить не буду, потому что меня с детства этому не учили. Настоящее английское общество делится на два круга: это круг лошадиников и круг невротиков. И это вовсе не условность. Всякому ясно, что люди, которые занимаются охотой, - это порядочные люди, а те, кто не охотится, это не настоящие люди.

Капитан Шотовер. В этом есть доля правды. Мужчину из меня сделал мой корабль, а корабль - это конь морской.

Леди Этеруорд. Вот именно поэтому-то, как мне Гастингс объяснял, ты и джентльмен.

Капитан Шотовер. Не так уж глупо для чурбана. Можешь его привезти в следующий раз. Мне надо поговорить с ним.

Леди Этеруорд. Почему Рэндел такой слонти? Воспитывали его хорошо, учился в колледже и университете, работал в министерстве иностранных дел, всю жизнь вращался в лучшем обществе. А почему он какой-то такой недоделанный, никчемный? Почему ни один слуга не уживается у него дольше чем два-три месяца? Потому что он слишком ленив и слишком падок на всякие развлечения и поэтому не может быть ни охотником, ни стрелком. Он бренчит на рояле, рисует, волочится за замужними женщинами, читает беллетристику, стихи. Он даже на флейте играет. Но я никогда не позволяла ему являться с флейтой ко мне в дом. Посмел бы он только... (Ее прерывают меланхолические звуки флейты, доносящиеся из открытого окна сверху. Она в негодовании приподнимается в гамаке.) Рэндел! Вы до сих пор не легли спать? Вы что же, подслушиваете?

Флейта задорно отвечает.

Боже, какая пошлость! Сейчас же в кровать, Рэндел! Как вы смеете!

Окно со стуком закрывается.

(Снова укладывается в гамак.) Ну кто может заинтересоваться таким ничтожеством?

Миссис Хэшебай. Эдди, как ты думаешь, следует Элли выйти замуж за бедного Альфреда только из-за его денег?

Менген (в ужасном смятении.) Ну что же это такое? Миссис Хэшебай, неужели вы будете обсуждать мои дела вот так, перед всеми?

Менген в ужасном смятении. Он не понимает, как можно говорить такое. Затем, разозлившись, теряет осторожность и сообщает, что собственных денег у него нет и никогда не было, что он просто берет деньги у синдикатов, акционеров и других ни к чему не пригодных капиталистов и пускает фабрики в ход — за это ему платят жалованье. Все начинают обсуждать Менгена при нем же самом, отчего он совершенно теряет голову и хочет раздеться догола, ибо, по его мнению, морально все в этом доме уже догола разоблачилось

! Элли. Выходит, что в мире нет ничего настоящего, кроме моего отца и Шекспира. Тигры Марка поддельные. Миллионы мистера Менгена поддельные. Даже в Гесионе нет ничего по-настоящему сильного и неподдельного, кроме ее прекрасных черных волос. А леди Этеруорд слишком красива, чтобы быть настоящей. Единственная вещь, которая еще для меня существовала, это была седьмая степень самосозерцания капитана. Но и это, оказывается... Капитан Шотовер. Ром. Леди Этеруорд (спокойно). Большая часть моих волос отнюдь не поддельная.

Герцогиня Дитеринг предлагала мне за это (поглаживает свою прическу) пятьдесят гиней. Она думала, что это парик. Но это все мое собственное, за исключением цвета, разумеется. Менген (в совершенном неистовстве). Нет, слушайте, я сейчас разденусь, я сниму с себя все, что есть. (Начинает стаскивать с себя сюртук.)

Леди Этеруорд | Мистер Менген! Капитан Шотовер } (вместе, Что это такое!
Гектор | в ужасе) Ха-ха-ха! Валяйте! Элли | Пожалуйста, не надо.

Миссис Хэшебай (хватает его за руку). Альфред! Как вам не стыдно! Да что вы,

с ума сошли? Менген. Стыдно! Где тут стыд, в этом доме? Нет, давайте все разденемся

догола. Уж если что делать, так надо доводить это до конца. Морально мы все уж разоблачились догола. Так давайте обнажимся и телесно. И посмотрим, как это нам понравится. Я вам говорю, что я не в состоянии это выдержать. Меня с детства учили приличиям. Я не возражаю против того, чтобы женщины красили волосы, а мужчины пили,- это в человеческой натуре. Но совсем не в человеческой натуре рассказывать об этом направо

и налево. Стоит только кому-нибудь из вас рот открыть, как меня всего передергивает (ежится, словно в него запустили камнем) от страха - что еще сейчас тут ляпнут? Как можно сохранять хоть какое-нибудь уважение к себе, если мы не стараемся показать, что мы лучше, чем на самом деле?

Элли сообщает, что все равно уже не сможет выйти замуж за Менгена, так как полчаса назад на небесах совершился её брак с капитаном Шотовером. Она отдала свое разбитое сердце и свою здоровую душу капитану, своему духовному супругу и отцу. Гесиона находит, что Элли поступила необыкновенно умно.

. Менген. А вы опять за свое. С тех пор как я вступил в этот дурацкий дом, из меня все время шута делают. А я ведь такой же человек, как в Сити, так и здесь. Элли (мелодично). Да, это дурацкий дом... Это нелепо счастливый дом, это душераздирающий дом, дом без всяких основ. Я буду называть его домом, где разбиваются сердца. Миссис Хэшебай. Перестаньте, Элли. А то я завою как зверь.

Менген начинает понемногу всхлипывать.

Ну вот, вы уже довели Альфреда. Элли. Мне он больше нравится, когда он воет. Капитан Шотовер. Молчать!

Менген затихает.

Пусть сердца разбиваются в безмолвии. Гектор. А вы согласны с этим именем для вашего дома? Капитан Шотовер. Это не дом мой, это моя берлога. Гектор. Мы слишком зажились здесь. Мы не живем в этом доме, мы в нем просто на ролях привидений. Леди Этеруорд (с надрывом). Это просто ужасно представить себе, что вы здесь

сидели все эти годы, когда я весь свет успела объехать. Мне удалось бежать отсюда еще в юности. А теперь этот дом потянул меня обратно. Он хочет разбить и мое сердце. Но это у него не выйдет. Я простила с ним и с вами. Глупо было возвращаться. Но я как-то расчувствовалась - вспомнила папу, Гесиону и старые места... Мне казалось, будто они зовут меня. Мадзини. Но ведь это совершенно естественное, хорошее человеческое чувство,

леди Этеруорд. Леди Этеруорд. Вот и я так думала, мистер Дэн. Но теперь я вижу, что это

были просто последствия гриппа. И я убедилась, что меня здесь не помнят и не хотят. Капитан Шотовер. Ты уехала, потому что ты не нуждалась в нас. Разве это не

разбило сердце твоего отца? Ты вырвала себя отсюда с корнем. А земля залечила раны, дала свежие всходы и забыла тебя. Какое ты имела право возвращаться и беречь старые раны? Миссис Хэшебай. Ты сначала показалась мне совершенно чужой, Эдди. Но сейчас

мне кажется, что ты никогда и не уезжала. Леди Этеруорд. Спасибо тебе, Гесиона; но мой грипп теперь совершенно прошел.

И пусть этот дом будет домом разбитых сердец - для вас, мисс Дэн, и для этого господина из Сити, который так плохо владеет собой; а для меня это просто бестолковая и неряшливая вилла, даже без конюшни. Гектор. Где обитает... Элли. Старый, выживший из ума капитан и юная певица, которая преклоняется

перед ним. Миссис Хэшебай. И беспутная матрона, старающаяся скрыть второй подбородок и

расплывающиеся телеса и тщетно пытающаяся пленить прирожденного солдата свободы. Мадзини. Ну что вы, миссис Хэшебай!.. Менген. И еще член правительства его величества короля, награжденный здесь

званием болвана. Не забудьте о нем, леди Этеруорд. Леди Этеруорд. И весьма очаровательный джентльмен, основная профессия

которого - быть мужем моей сестры. Гектор. Целая серия идиотов с разбитыми сердцами. Мадзини. Ах нет! Я бы сказал, если вы разрешите,- весьма и весьма удачные

образцы всего, что только есть лучшего в нашей английской культуре. Вы обаятельные люди, очень передовые, без всяких предрассудков, открытые, человечные, не считающиеся ни с какими условностями, демократы, свободомыслящие - словом, у вас все качества, которыми дорожит мыслящий человек. Миссис Хэшебай. Вы слишком превозносите нас, Мадзини. Мадзини.

Нет, я не лщу, серьезно. Где бы я мог чувствовать себя так непринужденно в пижаме? Я иногда вижу во сне, что я нахожусь в очень изысканном обществе и вдруг обнаруживаю, что на мне нет ничего, кроме пижамы. А иногда и пижамы нет. И я всякий раз чувствую, что я просто стораю от стыда. А здесь я ничего этого не испытываю; мне кажется, что так и надо. Леди Этеруорд. Совершенно безошибочный признак того, что вы не находитесь в

действительно изысканном обществе, мистер Дэн. Если бы вы были у меня в доме, вы бы чувствовали себя очень неловко. Мадзини. Я приложу все старания, чтобы держаться подальше от вашего дома,

леди Этеруорд. Леди Этеруорд. Вот и неправильно, мистер Дэн. Я позаботилась бы о том, чтобы

вы чувствовали себя вполне удобно. И вам не пришлось бы ломать себе голову над тем, в каком халате вам надо появиться за обедом: в пурпурно-золотом или малиново-изумрудном. Делая такие нелепые вещи, вы усложняете жизнь, вместо того чтобы упрощать ее. Элли. В вашем доме сердца не разбиваются, не правда ли, леди Этеруорд? Гектор. Нет, она сама разбивает сердца в этом своем удобном доме. И тот

несчастный там наверху со своей флейтой воеет так же, когда она выворачивает ему сердце наизнанку, как воеет Менген, когда моя жена проделывает то же с ним. Леди Этеруорд. Это потому, что Рэнделу больше нечего делать, как позволять разбивать себе сердце. Это для него такое же занятие, как мытье головы.

Поищите кого-нибудь, кто разбил бы сердце Гастингсу! Капитан Шотовер. Чурбан в конце концов оказывается в выигрыше. Леди Этеруорд. Я с величайшим удовольствием вернусь к моему чурбану, когда

мне до смерти надоеет эта ваша компания умников. Менген (обиженно). Я и не думал выдавать себя за умника. Леди Этеруорд. Ах, я и забыла о вас, мистер Менген. Менген. Ну, я что-то этого не вижу. Леди Этеруорд. Вы, может быть, не очень умны, мистер Менген, но вы человек

преуспевающий. Менген. Но я совсем не хочу, чтобы на меня смотрели только как на

преуспевающего человека. У меня тоже есть воображение, как и у всякого другого. Вот, например, сейчас у меня предчувствие... Миссис Хэшебай. Нет, вы просто невозможны, Альфред. Целый вечер я за вами ухаживаю, а вы ни о чем другом не думаете, кроме вашего нелепого предчувствия. Вы мне прямо надоели с этим. Идемте. Вы мне будете читать

стихи при свете звезд. (Тащит его в глубь сада в темноту.) Менген (плаксиво, из темноты). Вам хорошо потешаться надо мной. Но если бы

вы только знали... Гектор (досадливо). Чем все это кончится? Мадзини. Ничем не кончится, мистер Хэшебай. Жизнь - она ведь не кончается.

Она идет себе и идет. Элли. О, вечно так не может идти. Я всегда чего-то жду. Я не знаю, что это

такое, только жизнь должна ведь прийти к какой-то цели. Леди Этеруорд. Для молодой женщины вашего возраста - это ребенок. Гектор. Да, черт побери, но у меня тоже такое чувство. А я не могу родить

ребенка. Леди Этеруорд. Передав ваши полномочия, Гектор. Гектор. Да, есть у меня дети. Все это для меня уже позади. А все-таки я

чувствую, что так это не может продолжаться. Вот мы сидим здесь, болтаем и предоставляем все на свете Менгенам, случаю и сатане.

Подумайте только на минуту о тех разрушительных силах, которые имеются у Менгена и у его восхищающейся друг другом шайки. Ведь это истинное сумасшествие! Все равно как дать в руки невоспитанному ребенку в

качестве игрушки заряженную торпеду, пусть поиграет в землетрясение. Мадзини. Да, это верно. Я часто об этом думал, когда был молод. Гектор. Думать! Что толку об этом думать?! Почему вы ничего не сделали? Мадзини. Да нет, я делал. Я был в разных кружках, обществах, произносил

речи, статьи писал. То есть все, что было в моих силах. Но знаете ли, хоть люди в этих кружках и были уверены, что они знают больше, чем Менген, многие из них и не подумали бы сунуться туда, если бы они знали столько, сколько он знает. Видите ли, им никогда не приходилось иметь дело с деньгами или держать в повиновении людей. Каждый год я ждал революции или какого-нибудь ужасного взрыва: казалось просто немыслимым, что мы можем вечно вот так путаться и топтаться на месте.

Но ничего не случилось. За исключением, конечно, обычных для нас явлений - нищеты, преступлений, пьянства, к чему все уж привыкли. И ни когда ничего не случается. Просто удивительно, если принять во внимание все обстоятельства, до чего мы мирно и гладко существуем... Леди Этеруорд. Может быть, кто-нибудь поумнее вас с мистером Менгеном все время заботился об этом? Мадзини. Возможно. Хотя меня воспитали в неверии, у меня часто бывает такое

чувство, что в общем можно довольно много сказать в пользу теории о всемогущем провидении. Леди Этеруорд. Провидение! Я имела в виду Гастингса. Мадзини. Ах, простите, я вас не понял, леди Этеруорд. Капитан Шотовер. Всякий пьяный шкипер верит в провидение. Но один из

способов провидения обращаться с пьяными шкиперами - швырять их о скалы. Мадзини. Конечно, на море так оно и есть. Но в политике, уверяю вас, они просто садятся в лужу. Ничего не случается. Капитан Шотовер. На море с морем ничего не случается. И с небом ничего не

случается. Солнце восходит с востока и садится на западе. Месяц из серпа превращается в дуговую лампу и появляется все позже и позже, пока не утонет в солнечном свете, как все остальное тонет во мраке. После тайфуна летучие рыбы на солнце сверкают, точно птицы. Удивительно - принимая во внимание все обстоятельства, - как они существуют. Ничего не случается, кроме пустяков, о которых и говорить-то не стоит. Элли. И что же это такое, о капитан, мой капитан? Капитан Шотовер (мрачно). Ничего. Кроме того, что корабль пьяного шкипера

разбивается о скалы, гнилые доски разлетаются в щепы, ржавые болты

разъезжаются и команда идет ко всем чертям, как крысы в капкане. Элли. Мораль: не надо пить рома. Капитан Шотовер (запальчиво). Это ложь, дитя. Пусть человек за день выпьет

хоть десять бочек рома, он не пьяный шкипер, пока он ведет свой корабль. Пока он не сбивается с пути, стоит на мостике, держит руль - он не пьяница. А вот человек, который лежит у себя на койке, доверившись провидению,- вот этого я называю пьяным шкипером, хоть он, может быть, ничего не пил, кроме воды из реки Иорданской. Элли. Замечательно! А все-таки вы за целый час не выпили ли капли. Вот

видите, ром вам вовсе и не нужен. Ваша душа жива. Капитан Шотовер. Это эхо. Только эхо. Последний выстрел прогремел много лет тому назад. Гектор. А этот корабль, на котором мы все плывем? Эта темница душ, которую

мы зовем Англией? Капитан Шотовер. Капитан ее валяется у себя на койке и сосет прямо из

бутылки сточную воду. А команда дуется в кубрике в карты. Налетят, разобьются и потонут. Вы что думаете, законы господни отменены в пользу

Англии только потому, что мы здесь родились? Гектор. Да не хочу я тонуть, как крыса в трюме. Я хочу жить. Но что я должен

делать? Капитан Шотовер. Что делать? Чего проще - изучить, в чем заключаются ваши

обязанности настоящего англичанина. Гектор. А разрешите узнать, в чем заключаются мои обязанности англичанина? Капитан Шотовер. Навигация. Изучите ее и живите. Или пренебрегите ею и

будьте прокляты во веки веков. Элли. Тихонько, тихонько. Вы утомляетесь. Вам вредно. Мадзини. Когда-то я об этом думал, капитан. Но, уверяю вас, все равно ничего

не случится.

Слышится отдаленный глухой взрыв.

Затем звонят из полиции и просят погасить свет. Свет гаснет. Однако капитан Шотовер зажигает его снова и срывает со всех окон шторы, чтобы дом было лучше видно. Все возбуждены. Вор и Менген не хотят следовать в укрытие в подвал, а залезают в песочную яму, где у капитана хранится динамит, правда им об этом не известно. Остальные остаются в доме, не желая прятаться. Элли даже просит Гектора самого зажечь дом. Однако времени на это уже нет.

Элли (вся дрожа от возбуждения). Зажгите дом, Марк.

Миссис Хэшебай. Мой дом? Ни за что!

Гектор. Я, уж думал об этом. Да не поспеть теперь.

Капитан Шотовер. Час суда настал. Мужество не спасет вас. Но оно покажет, что души ваши еще живы.

Миссис Хэшебай. Ш -шшш... Слушайте. Слышите, вот сейчас? Как это великолепно!

Все поворачиваются спиной к дому и прислушиваются глядя вверх.

Гектор (внушительно). Мисс Дэн, вам совершенно не годится оставаться здесь. Мы все из этого дома - мошки, летящие на огонь. А вам бы лучше в подвал пойти.

Элли (презрительно). Не думаю.

Мадзини. Элли, дорогая... Пойти в подвал, в этом же нет ничего унижительного. Всякий офицер скомандовал бы своим солдатам: марш в укрытия!

Мистер Хэшебай ведет себя здесь как любитель. Менген и вор поступили совершенно разумно. Вот они-то и уцелеют.

Элли. Пусть уцелеют. Я буду вести себя как любитель. А вот ты зачем подвергаешь себя опасности?

Мадзини. Подумать только, какой опасности подвергают себя эти бедняги - там, наверху.
Няня. О них еще думать! Убийцы проклятые! Скажете тоже.
Страшный взрыв сотрясает землю. Они откидываются на своих сиденьях, кое-кто хватается за ближайшую опору. Слышно, как из окон со звоном вылетают разбитые стекла.
Мадзини. Никто не ранен?
Гектор. Куда попало?
Няня (со злорадством). Прямо в песочную яму. Своими глазами видела. Так ему и надо. Сама видела. (Со злобным смехом бежит к песочной яме.)
Гектор. Одним мужем стало меньше на свете.
Капитан Шотовер. Тридцать фунтов первоклассного динамита - и попусту!
Мадзини. Ах, бедный Менген!
Гектор. Да что вы, бессмертный, что ли, что жалеете его? Теперь наша очередь.
Все молча, в страшном напряжении, ждут. Гесиона и Элли крепко держат, друг друга за руки.
Доносится отдаленный взрыв.
Миссис Хэшебай (выпуская руку Элли). Ах, они пролетели мимо!
Леди Этеруорд. Опасность миновала. Рэндел, идите спать.
Капитан Шотовер. Все по местам. Корабль невредим. (Садится и тут же засыпает.)
Элли (в отчаянии). Невредим!
Гектор (с омерзением). Да. Невредим. И до чего же опять стало невыносимо скучно. (Садится.)
Мадзини (сядась). Как я, оказывается, ошибся, - ведь вот мы все уцелели, а Менген и вор...
Гектор. Два вора...
Леди Этеруорд. ...два деловых человека.
Мадзини. ...оба погибли. А бедному священнику придется, по-видимому, строить себе новый дом.
Миссис Хэшебай. Но какое замечательное ощущение! Я думаю, может быть, они завтра опять прилетят.
Элли (сияя в предвкушении этого). Ах, я тоже думаю!
Рэнделу удастся наконец изобразить на флейте "Пылайте, огни очагов".